

Джон Уилер-Беннет Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613375*

*Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / Пер. с англ. С.К. Меркулова. :
Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4288-7*

Аннотация

Книга британского историка Джона Уилер-Беннета посвящена одной из самых драматических коллизий Первой мировой войны – заключению мирного договора между Советской Россией и Германией.

Автор воспроизводит напряженнейшую атмосферу и драматический накал борьбы, которая велась вокруг заключения мирного договора на международном форуме в Брест-Литовске. Уилер-Беннет представляет реалистичный анализ ситуации, а также отдает должное политической дальновидности В.И.Ленина, «оставившего не у дел» те политические круги Германии и стран Антанты, которые хотели «расташить по кускам» ослабленную войной Россию и фактически лишить ее независимости и самостоятельности.

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1	12
1	12
2	19
Глава 2	23
1	23
2	28
3	30
4	37
Глава 3	47
1	47
2	55
3	59
Глава 4	66
1	66
2	70
3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Джон Уилер-Беннет

Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии

Предисловие

Поскольку эта книга¹ переиздавалась посредством фотолитографии, у меня не было возможности внести изменения и дополнения в первоначальный текст.

Поэтому я рад воспользоваться представившейся возможностью и подчеркнуть то значение, которое сыграл подписанный в Брест-Литовске мирный договор в свое время, и то политическое влияние, которое он имел как в годы Второй мировой войны, так и позднее.

За последние 200 лет отношения между Россией и Германией знали периоды как самого тесного сближения, так и самой непримиримой враждебности. Это было характерно еще для правления Фридриха Великого, но наиболее ярко проявилось в 60-х годах XIII века, когда Пруссия превратилась во влиятельную и постоянно набирающую силу политическую величину в Европе. Тогда сформировались два непримиримых друг другу подхода к отношениям с Россией. Странники одного из них считали Россию естественным союзником Пруссии в предстоящей борьбе с Францией и Австрией, а их оппоненты стремились к созданию Великой Германии, в состав которой должна была войти и Австрия; традиционная враждебность последней в отношении России и закладывалась в основу реализации такого подхода. В высших политических и военных кругах были сторонники как того, так и другого подхода; в какой-то момент преобладали одни, в какой-то – другие. В годы Первой мировой войны возобладали сторонники Великой Германии, и отражением их политики стало подписание грабительского, хищнического Брест-Литовского мирного договора, цель которого заключалась в том, чтобы ликвидировать Россию как самостоятельную политическую силу и убрать ее с политической сцены Европы.

Гитлер унаследовал оба этих подхода и применял их в зависимости от политической ситуации. Германско-советский пакт 1939 г. был отражением первого подхода, а последующая политика, предшествующая вторжению в Россию в июне 1941 г., – отражением второго².

Цели, которые ставил в 1918 г. немецкий Генеральный штаб, и те, которые четверть века спустя преследовал Гитлер, были в конечном итоге идентичными. Как и Гинденбургу, Гитлеру нужны были провинции на Балтийском побережье, включая Прибалтику, для обеспечения операций на левом фланге в ходе предстоящей войны. Как и Гофман, Гитлер зарился на богатую черноземными плодородными почвами Украину. Как и Людендорф, Гитлер стремился к расчленению России, хотел превратить ее в раздробленную беспомощную страну, отбросить за Урал и таким образом стереть с политической карты Европы. Последнее сходство подтверждено документально. 9 июня 1918 г. в меморандуме на имя имперского канцлера Людендорф изложил свои взгляды по этому вопросу; с ними полностью совпадали намерения Гитлера, зафиксированные в стенограмме заседания, проведенного в рейхсканцелярии 17 марта 1941 г. – незадолго до начала вторжения в СССР³.

¹ Книга впервые была издана в 1938 г., а затем переиздавалась в 1939, 1956, 1963 и 1966 гг. (*Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. пер.*)

² С этим утверждением автора нельзя согласиться. Гитлер однозначно делал ставку на уничтожение СССР и порабощение советского народа, а договор 1939 г. был для него средством лучше подготовиться к нападению.

³ Эти документы были использованы в качестве вещественных доказательств на заседаниях Нюрнбергского международного военного трибунала. (*Примеч. авт.*)

Возможно, политической мудрости и дальновидности с тех пор прибавилось, но ни в 1918, ни в 1941 г. они не были в чести.

Конечно, проводить параллель между Советской Россией времен Брестского мира и Советским Союзом времен Второй мировой войны вряд ли возможно. В 1918 г. Россия потерпела самое жестокое военное поражение в своей истории, а Советская власть, возникшая в результате Октябрьской революции, боролась тогда за выживание. Ей пришлось подписать мир в Брест-Литовске на условиях, навязанных победителем, но она сумела устоять, выжить, спасти завоевания революции и внести свой вклад в свержение имперского режима в Германии. В результате Второй мировой войны Советский Союз, несмотря на казавшиеся катастрофическими неудачи первых месяцев войны, вернулся в Европу в качестве самой мощной и могущественной военной державы, можно сказать, единственной военной державы в Европе, и быстро стал превращаться во все возрастающую угрозу всеобщему миру⁴.

Политические уроки Брестского мира актуальны и поныне. Параллель между политической Германией во время Первой и Второй мировых войн очевидна. Захватнические устремления ее правящих кругов потерпели крах. И наоборот, полностью сбылось предвидение Ленина, настойчиво убеждавшего своих соратников: уступая сейчас, идя на этот вынужденный «Тильзитский мир», подписывая мирный договор в Брест-Литовске, советское правительство в конечном итоге не только вернет все потерянное, но и получит гораздо больше. Что на самом деле и произошло.

Ажоя Уилер-Беннет

⁴ Автор, к сожалению, повторяет затасканный штамп о «советской угрозе», хотя СССР «вернулся в Европу» (включая освобождение европейской части своей собственной территории), чтобы сокрушить фашизм. В 1966 г., когда автор писал предисловие к переизданию, мир уже 21 год жил без войны (как раз почти именно столько времени прошло между двумя мировыми войнами), и это произошло именно потому, что в значительной степени благодаря усилиям СССР была создана система международного права, позволившая упрочить международную безопасность.

Введение

Двадцать лет назад, 3 марта 1918 г, в Брест-Литовске был подписан мирный договор между странами Четверного союза⁵ и Россией. Это был первый мирный договор, заключенный воюющими сторонами в ходе Первой мировой войны. Когда этот договор был подписан, лишь немногие поняли его действительный масштаб и значение; а затем события стали развиваться стремительно, наслаиваясь друг на друга, подобно снежному кому, и о Брестском мире просто забыли.

Однако значение подписанного в Брест-Литовске мирного договора трудно преуменьшить. Брестский мир явился переломным, поворотным пунктом исторического развития; именно от него тянулась причинно-следственная цепь событий, напрямую связанных с вопросами войны и мира и от которых зависело, в каком направлении мир будет развиваться далее. Подписание Брестского мира знаменовало собой не только полную победу немецкого оружия на Востоке и крупнейшее и самое унижительное военное и политическое поражение России в ее истории, но по своему значению и последствиям превосходило любые мирные договоры, за исключением Версальского договора, заключенные после Венского конгресса⁶.

Именно ход переговоров в Брест-Литовске подтолкнул президента США В. Вильсона выступить со своей знаменитой программой («14 пунктов») с целью не допустить заключения Россией сепаратного мира с Германией. Откровенно грабительский, хищнический характер навязанного России договора ясно показал, что германское Верховное командование полностью контролирует процесс принятия политических решений в Германии и что прийти к какому-то разумному компромиссу с Германией, пока ею управляют такого рода деятели, совершенно невозможно. Осознание этого факта привело к небывалому прежде сближению позиций США и других западных стран, воевавших против Германии, и именно благодаря этому сближению родилась та общая «воля к победе», которая и предопределила окончательное поражение Германии.

Подписание мирного договора в Брест-Литовске позволило большевикам устоять. Заключение мира дало Ленину ту самую «передышку», крайнюю важность которой он многократно подчеркивал, и эта передышка спасла русскую революцию, позволила ей удержать завоевания и подавить контрреволюционные попытки внутренних противников. В то же время подписание мирного договора ознаменовало начало активного проникновения коммунистических идей в Германию, что внесло свой, вполне «материальный», вклад в крах Германской империи девять месяцев спустя. Начало мирных переговоров в Брест-Литовске ознаменовало появление на международной арене нового важнейшего фактора – большевистской пропаганды. Это была пропаганда той партии, которая сформировала советское правительство, и в то же время это правительство, фактически эту пропаганду поддерживая, формально имело возможность заявлять, что за деятельность партии оно ответственности не несет. «Партия, – говорил Ленин, – мирный договор не подписывала, а советское правительство ответственности за деятельность партии не несет». Именно в Бресте была впер-

⁵ В него входили Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция; он также назывался Союзом центральных держав, а два его основных участника – Германия и Австро-Венгрия – «серединными империями».

⁶ Оценка Брестского мира как «полного торжества немецкого оружия на Востоке» и «самого тяжелого и унижительного поражения России за всю ее историю» противоречит исторической правде. Немногим более чем через полгода данный договор был признан ничтожным Советской Россией, а также и самой Германией, а 28 июня 1919 г. он был окончательно «похоронен» Версальским мирным договором, который, как и капитуляция, подписанная Германией в полутеплушке (хотя это и был вагон маршала Фоша) в годовщину Октябрьской революции, и явился именно для Германии «величайшим унижением в ее истории».

вые испробована эта «параллельная дипломатия»; она же лежала в основе создания в 1919 г. Третьего интернационала и его последующей деятельности.

Таковы были непосредственные результаты Брестского мирного договора. Однако этот договор имел и более отдаленные последствия; он продолжал оказывать влияние как на политическую обстановку в Германии и России, так и на общественное мировоззрение в этих странах. В Германии это влияние выразилось в формировании и окончательном закреплении и утверждении в виде государственной политики планов нацистов на установление своего господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. В СССР, о чем, правда, можно говорить лишь предположительно, оно проявилось в известной степени в позиции некоторых старых членов большевистской партии, которая в конечном итоге привела их к гибели.

Хотя об окутанных завесой таинственности и недоговоренности московских процессах по обвинению в государственной измене, состоявшихся в 1936 и 1937 гг., трудно сказать что-то определенное, как и получить какой-то ясный ответ из изучения материалов, которые были доступны и опубликованы, можно предположить, что в образе мыслей и действиях обвиняемых, особенно Радека, Сокольников и Пятакова, явно прослеживалась тенденция, которую можно охарактеризовать как тактику «упрощенного ленинизма» и психологию времен Брест-Литовска. Старые большевики, считая, что Сталин предал заветы Ленина и изменил идеалам Октябрьской революции, а также что СССР не в состоянии воевать на два фронта одновременно против Германии и Японии, вероятно, решили прибегнуть к применявшейся перед революцией стратегии подрывных действий и саботажа, для того чтобы свергнуть сталинский режим, а также к ленинской политике пораженчества и готовности пойти на национальное унижение ради умиротворения, хотя бы временного, этих двух империалистических держав. То, в чем их обвиняли на этих процессах и в чем они признали себя виновными, представляло собой те же позиции разрушения и расчленения страны, на которых стоял Ленин, ведя борьбу против либерального правительства князя Львова и социалистического режима Керенского, а политика пораженчества применялась им в ходе переговоров в Брест-Литовске.

Этой политике Ленин следовал вновь и вновь. «Невозможно добиться цели – осуществления победоносной революции, – писал он в статье «Против течения», – не желая поражения своего правительства и не делая все для этого поражения»; он также призывает американских рабочих никогда не забывать о том, что «тот не социалист, кто не готов пожертвовать своим отечеством ради победы социалистической революции». Причем этих взглядов он придерживался не только в теории, но и активно осуществлял их на практике.

Именно такую политику он проводил во время переговоров в Брест-Литовске, несмотря на яростное сопротивление внутри своей партии со стороны «левых коммунистов», особенно Радека и Бухарина.

Разве для старых большевиков не было естественным придерживаться этих традиционных, изначально основополагающих принципов? И Радек, и Бухарин признали, что ленинская точка зрения по Брестскому миру была правильной, а их – ошибочной. Разве нельзя предположить, что, став на позиции ленинского подхода, они вступили в переговоры с Германией и Японией, предполагая, что если отдать первой Украину, а второй – Приморье, то это позволит получить «передышку», предотвратит внешнюю агрессию и даст возможность сконцентрировать усилия на свержении сталинского режима, предавшего, по их мнению, идеалы Октябрьской революции? Более того, разве сам Ленин не использовал возможности, предоставленные кайзеровской Германией, чтобы вернуться в Россию? Разве сам он не стремился использовать противника во имя победы революции?

Трудно сказать, как старые большевики собирались на практике реализовать эти довольно странные новые «союзы» и затем избавиться от них; вероятно, рассчитывали на успехи мировой революции или победу в какого-то рода революционной войне. Разумность

такого подхода, конечно, вызывает большие сомнения. Однако если исходить из того, что осужденные действительно были виновны в том, в чем их обвинили, то высказанная выше точка зрения представляется единственным объяснением их действий. Однако вопрос этот настолько сложен, что высказывалось и предположение, что Сталин специально поднял вопрос о пораженческой политике времен Брест-Литовска, чтобы возложить ответственность за нее на своих политических противников и приписать им авторство той политической линии, которой он сам же и придерживался.

Все эти соображения носят, скорее всего, лишь теоретический характер, особенно по сравнению с тем непосредственным практическим значением и воздействием, которое Брест-Литовский договор оказывал на ситуацию в Германии, особенно после прихода к власти национал-социалистов. Веймарская республика при поддержке большей части руководства Генерального штаба, чьи взгляды весьма рельефно выражал генерал фон Сект, стремилась к сближению с Советским Союзом и весьма в этом преуспела, что выразилось в подписании Рапалльского договора и Военного соглашения от 3 апреля 1922 г., а также советско-германского Договора о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. Однако в руководстве Генштаба находились люди, хотя в то время и составлявшие меньшинство, которые разделяли взгляды Гофмана о том, что большевики – это корень всех зол, и мечтали осуществить те захватнические планы в Восточной Европе, которые, к их досаде, не удалось реализовать после подписания Брестского мира.

К этому следует добавить, что лично Гитлер относился к этому договору с совершенно откровенной симпатией, а национал-социалисты предприняли все возможные усилия, чтобы представить этот документ как идеальный мирный договор и привнести в умы немцев убеждение, что именно к заключению таких договоров Германия и должна стремиться. Ведь никакой другой идеологии, кроме той, на которой основывалось заключение Брестского мира со стороны Германии, немцам предложено не было, а их большинство как раз разделяло в то время именно эту идеологию. Поколение немцев, жившее в нацистской Германии, в большинстве своем считало образ мыслей, лежавший в основе подписания Брест-Литовского мирного договора, совершенно верным, а те принципы и соображения, на которых было основано его подписание, – вполне приемлемой основой и для текущей политики. Красноречивее всех эту точку зрения выразил сам фюрер, сравнивая Брестский мирный договор с Версальским. «<Я положил два этих договора рядом, сравнил их по пунктам и убедился, насколько бесконечно гуманным был первый и сколь жестоким и бесчеловечным второй, – писал он в «Майн Кампф». – В те дни мне приходилось часто выступать по этому вопросу перед двухтысячной аудиторией, и в начале выступления я чувствовал на себе враждебный взгляд 3600 глаз. А 3 часа спустя все присутствующие буквально вздымались в единодушном порыве справедливого гнева и безграничной ярости». Неудивительно, что ниже Гитлер пишет: «Мы (национал-социалисты) должны отказаться от постоянных попыток проникновения на юг и запад Европы и сконцентрировать все внимание на восточных землях... когда мы говорим о землях на востоке, мы должны в первую очередь иметь в виду Россию и пограничные с ней страны». И далее: «Мы не должны забывать, что международное еврейство, которое по-прежнему контролирует Россию, не считает Германию союзником; оно уготовило ей ту же участь, что и России. Над Германией нависла постоянная угроза того, что с ней произойдет то же, что и с Россией; следующей главной мишенью большевизма является Германия».

В данном подходе, как мы видим, объединились доктрина создания Великой Германии, которая возобладала перед Первой мировой войной, всепоглощающая ненависть к евреям и идеологическое противостояние большевизму. Одним из способов его практического воплощения представлялось возрождение и поддержание того образа мыслей, которого придерживались в Германии во времена Брест-Литовска. Характерно, что в 1917 г. политологи при-

зывали к «все немецкому единству» так же, как и авторы, писавшие на эту тему в нацистской Германии, правда делая это более откровенно, совершенно открыто говоря, что за этим стоит. Так, профессор Хеттнер в одной из своих книг, посвященных этой теме, писал: «Дело не в том, что между нами и Англией существуют какие-то отдельные проблемы. Главное в том, что Англия хочет играть господствующую роль в мире, а мы стремимся к тому же на основе совместных усилий немцев всего мира. В этом и заключается главная причина нынешней войны». Годы спустя Гитлер сформулировал это одной фразой: «Германия будет либо мировой державой, либо вообще никакой». При этом он признавал, что Англия никогда добровольно не согласится, чтобы Германия заняла ведущее место на мировой арене, однако подчеркивал, что это сейчас не главное. Главное же заключается в том, чтобы объединить усилия всех немцев, как в Германии, так и за ее пределами, и завоевывать территориальное пространство в Европе.

Основываясь на сформулированном Людендорфом тезисе о том, что «престиж Германии требует, чтобы мы твердой рукой обеспечили надежную защиту не только немцам, являющимся гражданами Германии, но по *всему* миру, где бы они ни находились», Гитлер считал, что на первом этапе следует создать «Страну немцев», простирающуюся с севера на юг, от Ютланда до Бреннера, и с запада на восток, от Страсбура до Риги.

Впоследствии Германия была должна охватить территорию, достаточную для того, чтобы вместить 200 млн немцев. Как отмечается в «Майн Кампф», считающейся священной книгой в Третьем рейхе, для достижения этого необходимо захватить те территории на юге и юго-востоке Европы, в направлении которых осуществлялась германская колонизация еще в Средние века, – «мы должны начать там, где мы остановились 600 лет назад», а затем и Украину, а также земли юга России.

Если смотреть именно под этим углом зрения, то отношение нацистской Германии к Австрии и Чехословакии, странам Прибалтики и Польше, Венгрии и Румынии приобретает особое звучание. Осуществление немецкой экспансии вело к перекраиванию всей политической карты Центральной и Восточной Европы в соответствии с планами создания «Великой Германии», которые пытались осуществить в годы Первой мировой войны подобным образом настроенная часть немецких политических кругов, а также Верховное военное командование; контуры этой «конструкции» были окончательно оформлены и обозначены в договорах, подписанных в Брест-Литовске и Бухаресте, – фактически речь шла об установлении политической гегемонии Германии над странами, которые когда-либо имели к ней хоть какое-то отношение, а также присвоении, как бы «между делом», российской территории. Способы реализации этих планов различались в зависимости от конкретной страны. Австрии сначала угрожали, ее буквально терроризировали, а затем оккупировали и присоединили к германскому рейху. В отношении Чехословакии использовали угрозы и пропагандистское воздействие с тем, чтобы вызвать внутри страны «стихийные выступления» в пользу воссоединения с Германией. В отношении Польши и Прибалтийских государств, как и во времена Брестского мира, подчеркивалась готовность идти на компромиссы и дать гарантии обеспечения безопасности этих стран. При этом можно напомнить, что «Майн Кампф» поляков относит к «низшим народам», а польских детей – к тому же «низшему уровню», что и детей евреев, негров и выходцев из азиатских стран. В отношении Венгрии, Югославии и Румынии используется тактика лести и умасливания с целью попытаться вывести первую из-под влияния Италии, а две последние – из-под влияния Франции.

В то время как «бросок на юго-восток» («дранг нах зюйд-остен») уже находился в стадии осуществления, в политическую мысль Германии всячески стараются внедрить убеждение в тех преимуществах и выгодах, которые несет захват и оккупация России. План «колониализации» России был предложен доктором Шахтом на конференции в Риме в 1932 г, еще до прихода Гитлера к власти; этот же вопрос был вновь поднят в знаменитом меморандуме

Гинденбурга, представленном на Всемирной экономической конференции, состоявшейся в июне 1933 г. Гитлер также коснулся этого вопроса в своих «выступлениях против коммунизма» на съезде национал-социалистов в Нюрнберге в 1936 г. А выступая перед представителями Трудового фронта 12 сентября того же года, он заявил: «Если бы неисчерпаемые запасы полезных ископаемых Урала, обширные леса Сибири и бескрайние кукурузные поля Украины располагались на территории Германии, то страна, под руководством национал-социалистической партии, утопала бы в изобилии. Мы обеспечили бы производство всего необходимого, чтобы каждый немец имел все, что ему нужно»⁷.

Трудно привести более яркий пример «(психологии Брест-Литовска)», чем этот откровенный призыв к грабежу и захвату добычи. Это выступление вполне могло бы быть опубликовано и распространено в качестве пропагандистского материала отделом печати и пропаганды немецкого Генерального штаба в первые недели 1918 г.

С завершением перевооружения Германии закончился первый этап на ее пути к «мировому господству». Второй этап, наслаивающийся на первый, начался в Германии с приходом к власти нацистов. С каждым шагом психология Брест-Литовска все прочнее укоренялась во взглядах и образе мыслей немцев, делая все более неизбежной попытку совершить наконец то, что, по мнению их вождей, является их историческим предназначением. Европе уже один раз пришлось столкнуться с последствиями подобного психоза, и можно было бы предвидеть, что если Германии вновь удастся создать ситуацию, которая существовала в течение непродолжительного периода после заключения Брестского мира, то результаты могут быть еще более угрожающими. Промышленный потенциал России, управляемый немецким организационным гением, – такая перспектива никак не могла бы оставить Западную Европу равнодушной. Но в 1918 г, погнавшись за миражом, созданным собственным тщеславием, Германия оказалась в такой трясине, что выбраться оттуда казалось невозможным. Европа хорошо помнит, о чем Гитлер, вероятно, забыл, какая катастрофа для Германии последовала за тем краткосрочным и мимолетным успехом, который был достигнут в Брест-Литовске.

В данной работе я хотел, во-первых, изложить историю мирных переговоров в Брест-Литовске, а также развития отношений между Советской Россией и Германией до их разрыва в ноябре 1918 г.; во-вторых, попытаться показать, каковы были мотивы сторон, лежавшие в основе тех дипломатических шагов, которые предпринимались в то время; и, в-третьих, попытаться продемонстрировать, какую важную роль в мировой истории сыграл этот забытый мирный договор.

В работе мной были использованы официальные документы стран – участниц этих переговоров; я также использовал газетные публикации того времени из прессы Германии, Австро-Венгрии, России и некоторых стран Антанты, а также дневники, мемуары и биографические материалы главных участников тех волнующих событий. Помимо использования письменных материалов, я постарался почерпнуть максимум информации из личных встреч с еще здравствовавшими участниками переговоров в Брест-Литовске. За исключением Иоффе со стороны Советской России и доктора Розенберга со стороны Четверного союза (ввиду их кончины мне не удалось с ними встретиться), я беседовал практически со всеми основными участниками этих переговоров; я также общался с членами российского Временного правительства; членами украинской Рады и представителями режима Скоропадского; с представителями Верховного командования Германии и Австрии тех времен, а

⁷ В английских газетах от 14–15 сентября первое предложение этой части речи Гитлера в переводе с немецкого звучало по-другому: «Если бы мы могли взять под контроль» («Таймс»); «Если бы мы имели в своем распоряжении» («Дейли телеграф»); «Если бы мы обладали» («Манчестер гардиан»). В официальном изложении этой речи, опубликованном в немецких газетах 14 сентября, данное предложение было видоизменено и изложено в той редакции, в какой оно приводится в этой книге. (Примеч. авт.)

также с теми, кто хотя и играл в то время второстепенную роль, но позднее достиг ответственных и влиятельных постов в своих странах.

Мне часто приходилось бывать в Германии, Австрии, Советском Союзе, а также других странах, и ряд встреч оставили сильные впечатления и запомнились надолго. Это и беседы с бароном фон Кюльманом, и памятная беседа с Карлом Радеком во время прогулки по подмосковному лесу; и оставившее незабываемое впечатление общение с Троцким, с которым мы встретились в один из дней в полуденную пору в Мехико; я бесконечно благодарен всем, кто согласился и нашел время встретиться со мной и поделиться своими воспоминаниями и соображениями. Я искренне благодарен за содействие ряду людей в СССР и Германии; я не называю их имена, поскольку, несмотря на провозглашаемую в этих странах свободу мысли и убеждений, эти люди могли бы столкнуться с проблемами. Однако я всех их помню и ничуть не менее искренне благодарен им за содействие, как и тем, чьи имена я назвал.

Глава 1

На дальних подступах

1

В Ставке Верховного командования в Могилеве русский офицер писал письмо жене. Комната была практически ничем не обставлена; единственным украшением были икона в бриллиантовом окладе и несколько фотографий детей. Пишущий это письмо только что вернулся из короткой поездки в Петроград, и в нежных выражениях он сообщает домашним, что благополучно добрался до места и приступил к выполнению своих обязанностей. Письмо содержит и глубоко личные детали. Он пишет, что немного простыл, но сейчас чувствует себя хорошо. Страшно расстроен тем, что у двоих из детей корь; от нее страдают и здесь, в Могилеве, – особенно сильно она распространилась среди юнкеров из 1-го и 2-го кадетских корпусов. Он особенно беспокоится за своего маленького сына, не отличающегося крепким здоровьем, и очень сожалеет, что его жене приходится сталкиваться со столькими хлопотами и неудобствами. «Я представляю, бедняжка, как тебе тяжело», – пишет он и добавляет, что было бы лучше, если бы все дети болели одновременно. «Очень скучаю без вас; так не хватает нашего ежевечернего часового пасьянса, который мы раскладывали все вместе. Если выпадет свободная минутка, снова сыграю партию в домино». В заключение он пишет: «Спокойной ночи. Пусть Господь хранит твой сон и пошлет тебе добрых сновидений».

Подписав письмо «Твой муженек», он берет дневник и делает очередные записи, которые ежедневно в него заносит; он подробно описывает детали своей поездки в Петроград и своей повседневной работы в Ставке. Он также делает запись: «Все свободное время посвящаю чтению французской книги о завоевании Юлием Цезарем Галлии».

Тихий и спокойный человек, подумает читатель, покой которого нарушают лишь повседневные тяготы службы и война, мрачной тенью нависшая над всей Россией; ничем не примечательный офицер, только очень совестливый, – и будет прав, но этот человек – Николай II, император Всероссийский. Письмо датировано 8 марта (26 февраля) 1917 г.; в то время как его империя рушилась, он спокойно писал о пасьянсе и домино.

Самым большим несчастьем для империи, которой он правил, для династии, которую он представлял, а также для него самого было то, что он находился на троне в кризисное время. Трудно представить себе человека, более неподходящего для управления страной в годы войны, когда от правителя требуется твердость, решительность, умение отстаивать свое мнение и способность взять на себя и вынести бремя ответственности за страну, чем Николай II. Трудно представить кого-то менее способного нести ответственность за судьбу 150 миллионов соотечественников, постепенно, но неуклонно высвобождавшихся от последствий крепостного рабства. Как бы сказали историки, склонные к морального рода оценкам, он не был «плохим человеком». Что гораздо хуже, он был слабым человеком, и отсюда тянулась вся цепь тяжелых и неприятных последствий, вызванных в том числе и тем упрямством, которое почти неизбежно свойственно слабым людям. Власть в его руках была «не властью, а ее бледной тенью», он легко становился жертвой влияния и давления со стороны окружающих, оставаясь при этом невосприимчивым к советам и рекомендациям, которые давались спокойно и доброжелательно. Он был глубоко религиозным и верующим человеком; однако его безграничная вера была близка к фанатичной; она не приносила ему душевный покой, а выражалась в какой-то отстраненности от окружающего мира и упрямой пассивности, что делало его фаталистом, залушало собственное мнение и суждения, как

и ослабляло способность их вырабатывать, развивало замкнутость и создавало непреодолимое препятствие в полноценном общении с окружающим миром. Ситуация усугублялась тем, что он был женат на женщине, которая хотя и обожала его, но стремилась играть в их отношениях господствующую роль. Она была еще более, чем он, склонна к мистицизму и считала своим долгом и предназначением «вселить» в Николая II мужественность и боевой настрой – те самые качества, которые были совершенно не присущи его странной и необычной натуре. В своих письмах к нему царица неоднократно называет себя «мущиной в штанах»⁸ и умоляет супруга не слушать советы тех, кто предлагает умеренные шаги и полумеры. «Только дураки и трусы могли предложить тебе такое, – пишет она в одном из писем мужу в Ставку и добавляет: – Я думаю, мне пора появиться там в моих черных штанах»⁹.

У Николая II было одно странное и необычное свойство: он одновременно и притягивал к себе и отталкивал. Некоторые из террористов, совершивших убийства губернаторов и других высокопоставленных официальных лиц, восходя на эшафот, взывали «к доброму сердцу и благородным помыслам государя», причем делали это не для того, чтобы заслужить помилование, а чтобы привлечь его внимание к плачевному состоянию дел в государстве. Человек, выдававший себя за убийцу Людовика XV, заявлял, что он заколол его, чтобы удостоверить, «есть ли у него сердце», а убийцы сановников Николая II, умирая, называли себя его верными подданными. «Что он за человек? – писал его дядя великий князь Николай Михайлович. – Он вызывает у меня отталкивающее впечатление, и в то же время я люблю его, поскольку он, безусловно, неплохой человек, сын своих родителей. Я его люблю по родственному, но какая же мелкая и мерзкая у него душонка!»¹⁰

В первые недели войны в России, как и в других странах, наблюдался взрыв патриотического энтузиазма. Российские подданные, казалось, объединились вокруг «царя-батюшки»; мистическая и таинственная сила славянской души нашла свое выражение в чувствах преданности и почитания государя императора, который превратился в центральную политическую фигуру, окруженную восхищением и поклонением; монархические чувства, казалось, вспыхнули с новой силой. Однако и вспышка любви к монарху, и патриотический подъем вскоре сошли на нет. Сокрушительные поражения русской армии в Восточной Пруссии, растущие перебои с продовольствием в городах, все возрастающая повсеместная неспособность власти на всех уровнях справляться с жизнеобеспечением людей – все это привело к тому, что в России раньше, чем в какой-либо другой воюющей стране, стали проявляться признаки усталости и недовольства войной. К этому добавлялась и подпольная революционная пропаганда, которая активно велась по всей стране со времен потерпевшей поражение русской революции 1905 г. Нараставшие трудности вкупе с революционными призывами усиливали брожение в массах. Армия проявляла в боях примерное мужество и доблесть, но и в ней существовало серьезное недовольство тем, что из-за невежества и откровенного воровства она не была обеспечена необходимым снаряжением и боеприпасами. Боевой настрой и моральный дух солдат стремительно падали после осенней кампании 1914 г.; в декабре того же года генерал Куропаткин записал в своем дневнике: «Все жаждут мира... целые

⁸ Супруга Николая II Александра Федоровна всерьез воспринимала лесть придворных, которые сравнивали ее с Екатериной II, и называла себя единственным «мущиной в штанах» при дворе.

⁹ Черные штаны входили в солдатскую форму русской армии того времени наряду с черным мундиром с красными кантами и черной фуражкой, высокая тулья которой также была оторочена красным кантом; данной фразой царица подчеркивает, что в Ставке не хватает боевого духа.

¹⁰ Как и многие зарубежные исследователи, автор делает акцент на личных качествах Николая II, его супруги и вообще влиянии его личной жизни на управление государством. При естественной важности этих аспектов, особенно в условиях самодержавной монархии, следует учесть, что к «кризисному времени» страна подошла не «вдруг»; и на этом довольно длительном пути необходимые для общества преобразования не предпринимались и тогда, когда на троне находились предшественники Николая II, которые не имели тех недостатков, которые имел он, и правили в более благоприятных внутренних и внешних условиях.

батальоны, вместо того чтобы подниматься в контратаку, шли к немецким окопам сдаваться с поднятым вверх оружием. Чувствовалась общая усталость от тягот войны».

Стремление к миру можно было наблюдать и в высших правительственных и придворных кругах. В сентябре 1914 г. граф С.Ю. Витте, вернувшись из Парижа, говорил французскому послу в России Марису Палеологу, что самая разумная для России политика заключается в том, «чтобы покончить как можно скорее с этой глупой авантюрой», поскольку победа Антанты приведет к триумфу демократии и провозглашению республик по всей Центральной Европе. «Это будет означать конец монархии в России. Я предпочту умолчать о том, какие это может иметь последствия». Аналогичной позиции придерживался Союз русского народа – черносотенная организация, стоявшая на крайне реакционных позициях, а также прогермански настроенные круги при царском дворе.

К началу 1915 г. царь столкнулся со стремлением к миру практически со всех сторон: левые требовали мира, отражая настроения людей, уставших от войны и требовавших конституционных реформ; правые же стремились к миру, чтобы пресечь в зародыше попытки подобных преобразований, пока это еще было возможно. От царя требовали заключения мира между российской и германской правящими монаршими династиями ради сохранения самодержавия в России. Вопрос о мире превратился в главный политический вопрос в стране.

Николай II выступал за выполнение союзнических обязательств перед другими странами Антанты, и он мог возродить тот массовый патриотический энтузиазм, который наблюдался в начале войны. Если бы в 1915 и 1916 гг. он прислушался к умеренным советам левоцентристки настроенных деятелей, то смог бы восстановить доверие между народом и тронем. Однако его основной грех, от которого он не мог избавиться, – слабость вкупе с неверием в свое собственное мнение, поскольку все предопределено свыше, толкали его к тому, чтобы прислушиваться к советам крайних реакционеров, стремящихся все оставить неизменным, а не к тем, кто предлагал идти по пути умеренных преобразований.

Все это привело к разрозненным и несогласованным попыткам заключения сепаратного мира с Германией, переговоры о котором пытались вести через торговые и финансовые структуры и компании, а также через короля Швеции и великого герцога Гессенского, который являлся братом царицы Александры Федоровны¹¹.

Эти попытки всячески поощрялись и поддерживались проникшими в Россию германскими шпионами, которые умело играли на чувствах консервативно настроенных кругов, пугая их возможной революцией и предательством союзников. Ими распространялись слухи, что Англия планирует лишить Россию того, что ей было обещано в качестве «военного трофея»: оставить за собой Константинополь, а Дарданеллы, которые в случае успеха союзников должны были отойти к России, превратить в новый Гибралтар. Франция и Япония якобы были готовы поддержать в этом англичан, за что японцам была обещана «свобода рук» в осуществлении фактического захвата Маньчжурии. Эти слухи имели столь сильное воздействие на российские правящие круги, что на конференции союзников в Шантильи в ноябре 1915 г. российский представитель всерьез предложил отказаться от военных операций в районе полуострова Галлиполи¹².

Более того, осенью 1915 г. был сделан важный шаг, способствовавший российско-германскому сближению. Николай II вопреки своему мнению и под давлением императрицы и

¹¹ Александра Федоровна до замужества была принцессой Алисой Дармштадтской (некоторые исследователи, в частности С.С. Ольденбург, называют ее Алисой Гессенской); Дармштадт – город и административная единица в Южной Германии; Гессен – административная единица в Центральной Германии.

¹² Между полуостровом Галлиполи, являющимся территорией Турции, и основной материковой частью Турции расположен пролив Дарданеллы, через который осуществляется проход из Средиземного моря через Эгейское море – в Мраморное море, а далее, через пролив Босфор, уже в Черное море.

ее окружения сместил с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, которого германский кронпринц называл «главной преградой на пути сепаратного мира», и взял командование армией на себя.

Несмотря на то что царь вопреки советам умеренно настроенных приближенных сместил своего дядю с поста Верховного главнокомандующего, летом 1916 г. русским войскам улыбнулась удача. Генерал Брусилов совершил замечательный прорыв в направлении Карпат, одержав победу, которая могла сравниться лишь с успехами, достигнутыми во время летней кампании 1914 г.

Австрийские войска растаяли «подобно тонким облакам над Бискайским заливом под напором бури, пришедшей с Атлантики»; однако потери русских войск были огромны, а когда подоспели срочно переброшенные на помощь австрийцам немецкие дивизии и закрыли прорванный фронт, наступление русских войск было остановлено; продолжение его было бессмысленно и чревато очень большими потерями. Брусилов пытался компенсировать потерями в живой силе отсутствие столь необходимых ему артиллерии и снарядов. В некоторых дивизиях винтовки были лишь у трех солдат из десяти, шедших в атаку. Ввиду нехватки снарядов, которые могли бы быть использованы для уничтожения заграждений из колючей проволоки, последние преодолевались по горам трупов убитых, сраженных огнем немецких пулеметов. Русские войска сражались с величайшим мужеством, однако эта операция, завершенная в сентябре 1916 г., была последним значительным успехом царской армии. Этот успех обошелся более чем в миллион солдатских жизней, а на смену подъему боевого духа пришло отчаянное до боли стремление к немедленному миру. «Мира и хлеба!», «Мира и хлеба!» – этот лозунг стал практически повсеместным¹³.

Между тем стремящиеся к сепаратному миру с Германией правые не сидели сложа руки, и благодаря их усилиям произошло сбившее всех с толку событие, весьма характерное для крайне противоречивой политики, проводившейся в то время. В середине июля 1916 г., когда русские войска под общим руководством Николая II, занимавшего пост Верховного главнокомандующего, одерживали на фронте победы, был отправлен в отставку твердо стоявший на стороне Антанты и выступавший за выполнение союзнических обязательств министр иностранных дел Сазонов, а его полномочия стал выполнять концентрировавший в своих руках всю большую власть председатель Совета министров Штюрмер¹⁴ – человек из близкого окружения императрицы и ставленник «Божьего человека» Распутина.

Назначение в такой переломный момент на пост министра иностранных дел открытого реакционера, явно симпатизировавшего Германии и всегда выступавшего против союза с демократическими западноевропейскими государствами из-за опасения, что такое сотрудничество создаст каналы, по которым в Россию будут проникать либеральные идеи и взгляды, оказало очень сильное воздействие как внутри России, так и за ее пределами. Для гражданского населения и для армии замена Сазонова на Штюрмера была знаком того, что удаление из окружения царя последнего влиятельного человека, придерживавшегося умеренных взглядов, означает решение Николая II пытаться сохранить в неизменном виде существовавшую административную систему, насквозь пропитанную некомпетентностью и коррупцией, которая не могла обеспечить ни военных, ни мирное население элементарно необходимым для нормальной жизнедеятельности.

¹³ Знаменитый «брусиловский прорыв», осуществленный войсками русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Алексея Алексеевича Брусилова, стал классикой военной науки. Для остановки русского наступления были ослаблены все без исключения фронты, где воевали Германия и ее союзники. Как писал, подводя итоги операции, А.А. Брусилов, «помимо 450 000 человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинута с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов».

¹⁴ Штюрмер Б.В. (1848–1918) – чиновник министерства юстиции и двора. В январе 1916 г. при поддержке Г. Распутина и императрицы Александры Федоровны назначен председателем Совета министров. Одна из наиболее одиозных фигур последнего царствования.

Представители Антанты в Петрограде восприняли новое назначение как серьезный удар по интересам союзников. «Я не могу иметь доверительные отношения с человеком, на слово которого нельзя положиться и который лишь руководствуется интересами личной выгоды и тщеславия, – писал о Штюмере тогдашний английский посол в России Д. Бьюкенен. – Хотя его личный интерес и требует придерживаться внешнеполитического курса его предшественника, в душе он является убежденным сторонником Германии, настоящим германофилом». Французский посол Марис Палеолог еще более откровенно предупредил свое правительство о возможности изменения внешнеполитического курса России. Он писал: «Мы должны быть готовы к тому, что детали наших секретных переговоров станут известны определенному кругу лиц, которые, в силу своей прогерманской ориентации, благодаря установленным через посредников связям с германской аристократией и финансовыми кругами, а также ненависти к либеральным взглядам и демократии уже приняли решение пойти на восстановление отношений и заключение мира с Германией».

Страны Тройственного союза также отмечали назначение Штюмера как важное событие, но уже со своей точки зрения. «Он безусловно расположен к нам, – писал немецкий кронпринц. – Я рассматриваю это назначение как явный знак стремления начать мирные переговоры».

Будучи слишком хитрым и осторожным, чтобы пойти на открытый пересмотр прежней политики в отношении Германии, Штюмер в то же время делал все от него зависящее, чтобы обеспечить российско-германское сближение. Он отложил опубликование соглашения между Россией и Англией, рассеивающего все опасения относительно английских планов в отношении Константинополя и проливов, а также манифеста по Польше, одобрение которого Сазонов буквально вырвал у Николая II за день до своей отставки. В немецких политических кругах возникло сильное убеждение, что вопрос о сепаратном мире явно стоит в политической повестке дня и помешать ему может лишь какая-то грубейшая, граничащая с несуразностью политическая или дипломатическая ошибка.

Однако именно такая ошибка, а точнее сказать, ошибочная линия вскоре и последовала. Немецкое Верховное командование было явно увлечено миражом того, как польское население пополнит армии «серединных империй», столь остро нуждавшихся в личном составе, и что польские солдаты пойдут в бой под командованием немецких офицеров. Поэтому оно выдвинуло идею провозглашения независимого Царства Польского под протекторатом Германии и Австро-Венгрии, как гарантов его независимости. Этот план был встречен резко отрицательно в немецких политических и дипломатических кругах; против него выступал и ряд сотрудников Генерального штаба. Однако немецкое Верховное командование, зачарованное радужными перспективами, порожденными его собственными заблуждениями, упорно продолжало проводить линию, которая перечеркивала все надежды на достижение мира. Штюмер старался избежать публичных заявлений на эту тему (в том числе и потому, что план Сазонова предусматривал определенные территориальные уступки со стороны Германии и Австро-Венгрии), а Гинденбург и Людендорф, наоборот, громко и открыто объявляли, что в состав независимого Царства Польского войдут все территории, которые до этого входили в состав Российской империи. Маттиас Эрцбергер, активно выступавший за заключение сепаратного мира с немецкой стороны, считал, что подобное заявление по польскому вопросу было «настоящей политической катастрофой, похоронившей единственную возможность заключить мир».

Провал планов Штюмера совпал с тем, что о них частично стало известно умеренным лидерам левоцентристского направления. Глава Объединения земств князь Львов¹⁵ объ-

¹⁵ Союз земств возник как в основном благотворительная организация еще до Русско-японской войны 1904–1905 гг.; во главе его стал князь Г.Е. Львов. Союз, в частности, участвовал в борьбе с голодом, эпидемиями, оказывал помощь пере-

явил о «мучительных, ужасных подозрениях в государственной измене»; о том, что «скрытые силы тайно работают на Германию, подготавливая позорный мир. и эта работа ведется самым активным образом». Лидер кадетов П. Милюков пошел еще дальше: в своей знаменитой речи в Думе он прямо обвинил Штюрмера в государственной измене в высших эшелонах власти.

Под давлением естественного хода событий Николай II, во время одной из редких вспышек прозрения, сместил Штюрмера с поста премьера; он, возможно, отправил бы в отставку и крайне непопулярного коллегу Штюрмера по правительству – Протопопова, но его «отстояла» императрица, специально приехавшая в Ставку «в черных штанах» и самом боевом настроении, чтобы не допустить отставки человека, которому, по словам Распутина, «судьбой было вверено спасение империи». Поэтому, хотя официальным главой правительства был назначен Трепов, выступавший за выполнение союзнических обязательств, фактическая власть по-прежнему осталась в руках все той же правящей клики¹⁶.

К концу 1916 г. внутреннее положение России, еще более осложнившееся после убийства Распутина, последовавшего в декабре этого же года, стало таковым, что столкновение между правым и левым лагерем стало практически неизбежным. Революция планировалась как сверху, так и снизу; ключевым условием ее в обоих случаях было заключение мира: правым мир нужен был для того, чтобы спасти монархию, левым – чтобы ускорить установление «диктатуры пролетариата».

Сторонники монархии с предельной откровенностью подчеркивали необходимость закончить борьбу на военном фронте и перенести ее в тыл. В середине января 1917 г. Союз русского народа советовал царю «восстановить порядок в государстве любой ценой и таким образом обеспечить победу над внутренним врагом, который уже давно является более опасным и безжалостным, чем враг внешний». Экономическая ситуация стремительно ухудшалась; нарастали перебои с поставками продовольствия; в Петрограде открыто говорили, что правительство сознательно их вызывает, чтобы сделать невозможным продолжение войны, спровоцировать выступления протеста, забастовки и беспорядки и на этом основании принять решительные и жесткие меры по отношению к социалистическим партиям и организациям. Справиться с резко ухудшающейся ситуацией можно было, лишь заключив мир.

Мир также был необходим и крайне левым, которые чувствовали, что приближается момент решающей схватки с дворянско-монархическим режимом, и хотели развязать себе руки для этой схватки и направить на нее высвободившиеся народные силы. В стране стремительно нарастала революционная пропаганда; рабочих призывали бастовать и требовать мира; солдат – отказываться воевать дальше. В прежний революционный лозунг «Мира и хлеба!» было внесено дополнение; теперь он гласил: «Мира, земли и хлеба!», но мир по-прежнему оставался на первом месте. Генералы действующей армии на всех фронтах получали по военно-полевой почте анонимные письма, в которых говорилось, что солдаты измучены войной и что немедленное заключение мира является единственным выходом из положения.

Между этими крайними силами находилась группа умеренных левого направления, представленная такими деятелями, как Г. Львов¹⁷ и П. Милюков¹⁸ и председатель Думы М.

селенцам на Дальний Восток. В августе 1914 г. был учрежден Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. В 1915 г. он слился с городским союзом, где ведущие позиции занимало московское купечество, в результате чего образовался Союз земств и городов – Земгор.

¹⁶ Автор напрасно ставит во главу угла переговоры о сепаратном мире. Нет никаких явных свидетельств того, что Николай II и придворное окружение пытались заключить сепаратный мир с Германией. Подавленность Николая II, на которую обращали внимание многие очевидцы, была вызвана как раз тем, что практических возможностей укрепить свою власть, как и людей, на которых можно было в этом опереться, уже практически не осталось.

¹⁷ Львов Г.Е. (1861–1925) – князь, крупный помещик, земский деятель – председатель Тульской губернской земской управы, в годы Первой мировой войны – председатель Всероссийского земского союза, с 1912 г. – член Московского коми-

Родзянко¹⁹, которые оставались приверженцами выполнения союзнических обязательств и хотели, чтобы Николай II спас себя и страну, осуществив, пока не поздно, конституционную реформу. Но они тщетно пытались вырвать Николая II из-под влияния *камарильи* и убедить его прислушиваться к более разумным советам умеренных деятелей. Их уговоры и, подчас, мольбы разбивались о непроницаемую стену, которой царь отделил себя от окружающих, и в предвидении неминуемой катастрофы они вернулись в политические салоны Петрограда, в которых государственные деятели, военные, представители дворянства и просто образованные люди бесконечно обсуждали, кого следует «сместить»: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу.

Предупреждал об опасности и великий князь Александр Михайлович, который писал: «Недовольство нарастает очень быстро. Как ни странно, именно правительство является тем органом, который подготавливает революцию»²⁰. В конце концов, английский посол Дж. Бьюкенен, пренебрегая всеми правилами дипломатического этикета, во время аудиенции у Николая II прямо заявил: «Ваше величество, вы находитесь на развилке двух путей: один из них ведет к победе и славному миру, другой – к революции и катастрофе».

Однако российский император, плотно закутавшись в мантию апатии и безразличия, пресекал все попытки спасти его от себя самого. Окружавшие его люди на заключительном этапе этого кризиса были поражены «холодной, каменной выдержкой» Николая II, которая выделялась особенно контрастно на фоне общей растерянности и подавленности. «Что это? – задавался вопросом генерал Данилов в те роковые дни. – Исключительная, почти невероятная выдержка, достигнутая в результате долгих тренировок, или вера в божественную предопределенность событий, или же просто отсутствие ума?»²¹

Именно каким-то невероятным душевным спокойствием и отреченностью от происшедшего вокруг можно объяснить, что царь по возвращении из Петрограда в Могилев в феврале 1917 г. мог писать в письме близким о домино и пасьянсе. Когда позднее разразилась буря и 2 марта Николай II был вынужден написать манифест об отречении от престола, он сделал это столь спокойно, не проявив при этом никаких эмоций, что это привело в замешательство и недоумение как друзей, так и его врагов, которые были очевидцами этого события.

Николай II ушел в небытие: сначала в ссылку, а потом приняв мученическую смерть; с ним ушла и 300 лет неограниченно правившая Россией династия Романовых. Старый режим рухнул под грузом собственных проблем, из-за внутренней слабости и разложения, которые окончательно его подорвали. На смену ему пришло мощное народное движение, которое не было четко оформлено политически и не имело ясной программы, но которое выдвигало три выстраданных основных требования: «Мира, земли и хлеба!» Занавес был поднят, и начала разыгрываться величайшая драма современной истории.

тега партии «прогрессистов». После Февральской революции – председатель Совета министров и министр внутренних дел первого Временного правительства, возглавлял также первое коалиционное правительство.

¹⁸ Милюков П.Н. (1859–1943) – видный историк, профессор, крупный политический деятель, главный организатор партии кадетов. Выступал как апологет империалистических устремлений российской буржуазии. В первом составе Временного правительства занял пост министра иностранных дел. Его нота о продолжении войны и верности союзническим обязательствам вызвала возмущение народа, и 15 мая 1917 г. Милюков ушел в отставку.

¹⁹ Родзянко М.В. (1859–1924) – крупный землевладелец, лидер октябристов, председатель IV Государственной думы, был тесно связан с царским окружением. После Октябрьской революции отбыл в белую Добровольческую армию, а в 1920 г. эмигрировал.

²⁰ Позднее, в разговоре с генералом Брусиловым, великий князь признался: «Я не имею никакого влияния на ситуацию и не могу ничего сделать, как и нести ответственность за последствия. Мой двоюродный брат... является рабом влияния и давления, и никто не в силах это изменить или что-то с этим поделать». (Примеч. авт.)

²¹ Генерал Ю.Н. Данилов был начальником штаба Северного фронта и непосредственно присутствовал при отречении Николая II.

2

Однако главный действующий персонаж этой исторической драмы пока находился в стороне от эпицентра событий и не вышел еще на основную сцену. Владимир Ильич Ульянов, известный среди товарищей по революционной борьбе, а позднее ставший известным всему миру как Ленин, в это время жил в Цюрихе в мрачного вида доме, построенном в XVI веке, расположенном на улице Шпигельштрассе. В этом доме он и его жена, Надежда Константиновна Крупская, снимали скромную комнату у семьи рабочих, которые, в свою очередь, снимали ее у домовладельца.

Начало Первой мировой войны застало Ленина и Крупскую в австрийской Польше, где они находились в эмиграции.

После непродолжительного ареста по обвинению в шпионаже Ленину было разрешено отбыть в Швейцарию, где он с женой на первое время остановился в Берне. Жили очень бедно («Главная беда в том, что катастрофически не хватает денег, – писал Ленин, – из-за дьявольской дороговизны жить чертовски трудно»). На личные нужды им пришлось растягивать на три года 160 фунтов, оставленных им матерью Крупской. В конце концов им удалось перебраться в Цюрих.

Комната была маленькой и неудобной. Окна выходили во двор: летом чувствовалась духота и неприятный запах; зимой – тот же неприятный спертый воздух и сыратная сырость. Сама Шпигельштрассе представляла собой узкую улочку. К счастью для него и близких, Ленин был непритворлив к внешней обстановке и вообще мог стойко сносить неблагоприятные обстоятельства. Ему не доставляло особых неудобств то, что кофе приходилось пить из чашки со сломанной ручкой, что ели они с женой на общей кухне и что еда была крайне скромна, если не скудна, что единственной мебелью в комнате были стол, две кровати, два стула и швейная машинка. Эти неудобства прежде всего ощущала Крупская как домохозяйка, а его мысли были всецело заняты борьбой за торжество и победу социализма на мировой арене.

Ленин работал с тем неутомимым упорством и энтузиазмом, которые позднее позволяли в Советской России творить настоящие чудеса, создавая и строя при жесточайшей нехватке необходимого исходного материала. Вся его энергия была направлена на то, чтобы подбодрить своих соратников как в России, так и за ее пределами. Как публицист и теоретик, он стремился к тому, чтобы вместо Второго интернационала был создан Третий интернационал, который был бы действительно пролетарским и стал бы центром по координации и руководству борьбой пролетариата во всем мире.

Работать дома было невозможно. Окна их комнаты выходили во двор, рядом с которым располагалось предприятие по производству колбас; из-за зловонного запаха приходилось постоянно держать окна закрытыми. Ленин использовал испытанное поле боя – читальный зал публичной библиотеки (разве большая часть планов по организации большевистской партии не была разработана в мирной тиши читального зала Британского музея?). В Цюрихе служащие библиотеки предъявляли довольно жесткие требования к внешнему виду посетителей. Некоторых соратников Ленина по большевистской партии не допустили к работе из-за их довольно потрепанной и забрызганной грязью одежды и обуви. Однако у Ленина было одно довольно приличное пальто, а также пара хорошей обуви, и он мог спокойно работать в библиотеке. Немногочисленные завсегдатаи библиотеки не обращали особого внимания на невысокого коренастого русского, с лысиной, слегка вздернутым носом, большим ртом и квадратным подбородком, покрытым небольшой бородкой и рыжими усами, который ежедневно приходил сюда и работал с девяти утра до шести вечера с тем неистощимым и неослабевающим упорством, которое свойственно настоящему революционеру. При

помощи перьевой ручки он вел яростную и непримиримую борьбу с теми социал-демократическими партиями в воюющих странах, которые пошли на сотрудничество с правительствами и поддержали ведение войны, предав тем самым пролетариат и его дело и став на сторону империализма.

На конференциях в Циммервальде (в 1915 г.) и Кинтале (в 1916 г.) Ленин и его сторонники сформировали цельное, убежденное и действенное меньшинство из представителей левого крыла социал-демократических партий, которое, будучи объединено четко поставленной целью, обрушилось с беспощадной критикой на своих коллег по партиям, находящимся на правом крыле и в центре, и открыто провозгласило лозунг: «Не гражданский мир, а гражданская война». Принятый в Циммервальде манифест призывал «использовать любое народное движение, вызванное войной, для организации уличных демонстраций против правительств и проводимой ими политики; вести пропаганду международной солидарности и братания в окопах; осуществлять поддержку забастовок с экономическими требованиями и предпринимать усилия по превращению их, при благоприятных условиях, в политические забастовки».

Ленин считал, что возможен лишь один подход к европейской войне: использовать ее для ликвидации капиталистической системы и замены ее «диктатурой пролетариата». Война должна была стать похоронной процессией империализма.

Хотя сторонники Ленина были немногочисленны, но влияние, которое оказывали их взгляды, было весьма заметным. Притом что ленинский подход был отвергнут рядом международных конференций социал-демократических партий, он нашел благодатную почву среди крайне левого крыла немецкой социал-демократии. Видный его лидер, Карл Либкнехт, выступая в Нюкельне в январе 1915 г, поддержал тезис, сформулированный Лениным в Цюрихе: «Ответим на войну классово войной».

Год спустя совместно с Розой Люксембург он приступил к подпольному распространению знаменитых писем «спартаковцев», в которых содержался страстный призыв к революционной борьбе²².

Их усилия принесли свои плоды – идеи Циммервальда получили широкое распространение. Только в мае 1916 г. 3 немецких офицера и 32 рядовых были расстреляны за распространение в окопах копий циммервальдского манифеста.

В той жесткой борьбе, в которую оказались вовлечены сторонники Ленина, не все из них придерживались таких же твердых и непоколебимых взглядов, как он. В течение 1916 г. сформировалась группа социал-демократов, которым пришлось сыграть исключительно важную роль в будущих политических схватках. Между Лениным и Троцким уже существовали разногласия. Формула Троцкого – «действительная национальная самооборона состоит в борьбе за мир» – казалась Ленину оторванной от жизни пацифистской проповедью, против которой он яростно сражался. Он писал: «Предполагать, что империалистическая война может окончиться демократическим миром... означает попытку ввести в заблуждение народные массы и скрыть от них ту многократно подтвержденную правду жизни, что демократический мир невозможен без победы революций в ряде стран. Долой сентиментальные проповеди и абсурдные мечты о «мире во что бы то ни стало!»»

Ленин считал, что главной задачей революции и основой успешного осуществления ее целей является установление диктатуры пролетариата, то есть такой власти, которая обеспечивает ведущую роль рабочих и крестьян в переустройстве всего общества. В этом своем убеждении он не имел твердой поддержки всех своих сторонников; среди них были сомне-

²² Немецкие социал-демократы левого крыла (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес (Тышка), В. Пик) образовали группу «Спартак», названную в честь легендарного вождя восстания рабов и гладиаторов в Древнем Риме.

вающиеся и колеблющиеся. Письма Ленина к своим друзьям – А. Шляпникову²³ и Александре Коллонтай²⁴ – полны критики и недовольства теми, кто подвержен колебаниям и нерешительности. «Кто колеблется? – писал он в феврале 1916 г. – Не только Троцкий и К^о, но также Пятаков... Радек – лучший среди них. но и Радек тоже колеблется. Пятаков и Бухарин не хотели, да и не могли все понять».

Упомянутые в ленинских письмах люди тогда были практически неизвестны, однако в будущем им предстояло сыграть исключительно важную роль и вновь не согласиться с Лениным и даже выступить против него.

В те же годы в социалистической прессе произошла знаменитая «битва псевдонимов». Бухарин, писавший под псевдонимом Нота Бене (Nota Bene), и Радек, писавший под псевдонимом Парабеллум (Parabellum), навлекли на себя яростный гнев и жесткую критику со стороны Ленина своим непониманием роли демократии в борьбе за социализм. Ленин не оставил камня на камне от аргументов своих соратников, показывая, что экономические факторы – это только основа и предпосылка социализма, а главная трудность заключается в коренном переустройстве всего общества на основе революционной демократии.

Однако в то время как эти революционные теоретики вели свои яростные схватки в области идей, никто из них – и даже Ленин – не знал, когда им придется представить свои теоретические взгляды на жесткий и суровый суд практики. Связь с товарищами в России осуществлялась очень трудно и подчас с большими перебоями. Большевики – члены Думы в ноябре 1914 г. были арестованы; серьезно пострадала и вся партийная организация. Не имея свежей оперативной информации из первых рук, будучи погружен лишь в теоретическую работу, Ленин признавался в одном из писем из Цюриха, что там он чувствует себя «как в могиле». Он продолжал непримиримую борьбу против Второго интернационала; однако было очень изматывающим и утомительным делом ждать, когда произойдет мировая революция, о которой столько мечтали и которую так долго ждали. Хотя он, как никто другой, понимал, какие огромные силы, способные перевернуть все общество, высвободятся в результате неудачной войны, он не мог предположить или рассчитать, в какой степени этот общественный переворот уже назрел. До самого начала Февральской революции он не был уверен, что будет свидетелем осуществления той долгожданной цели, казавшейся кому-то абсурдом, которой он посвятил всю свою жизнь.

В январе 1917 г. в Петрограде широко обсуждалась возможность дворцового переворота; она стала привычной темой разговоров и во время обедов, которые давал английский посол в Петрограде. Единственно, в чем не были уверены, – будет ли убит император вместе с императрицей, или же убьют только последнюю. Выступая перед молодежью в Народном доме Цюриха, Ленин с сожалением говорил: «Мы, представители старшего поколения, возможно, не доживем и не увидим решающих сражений предстоящей революции». Ленин предпринимал усилия, чтобы устранить колебания и разногласия в теоретических вопросах среди своих соратников, однако какой-либо подготовки к этому великому дню он не вел. Вопрос о возвращении в Россию в случае начала революции не обсуждался; об этом даже

²³ Шляпников А.Г. (1885–1937) – член РСДРП с 1901 г. Участник революции 1905–1907 гг. С 1915 г. – член ЦК РСДРП(б). Во время Февральской революции – один из организаторов Петроградского Совета, член его Исполкома. Участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК. Народный комиссар труда в первом составе Совета народных комиссаров. В 1933 г. исключен из партии как участник троцкистской оппозиции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁴ Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – деятель российского и международного революционно-освободительного движения, дипломат. Участница революции 1905–1907 гг., член РСДРП с 1906 г., до 1914 г. примыкала к меньшевикам. После вступления России в Первую мировую войну – большевичка. На VI съезде РСДРП(б) избрана членом ЦК. Участвовала в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; после победы Октябрьской революции – народный комиссар государственного призрения. С 1923 г. – на дипломатической работе, первая в мире женщина-посол. Представляла СССР в Норвегии, Мексике, Швеции.

и не думали. Февральская революция оказалась для Ленина в Цюрихе такой же неожиданностью, как и для лорда Мильнера в Петрограде после четырех недель пребывания в российской столице. В то же время, как последний докладывал своему правительству в январе 1917 г.: «Мне кажется, что разговоры о предстоящей революции являются большим преувеличением», Ленин писал в письме сестре: «Жизнь у нас идет спокойно, все очень тихо... по-прежнему очень холодно... Вести от вас идут очень долго».

Дни уныло и монотонно текли своим чередом. Ленин завершил работу над книгой, посвященной швейцарскому образованию, заказанную одним швейцарским издателем. Ему необходимы были деньги.

Но унылая монотонность и размеренность эмигрантской жизни вдруг резко оборвалась. В полдень 2 марта 1917 г. Крупская мыла посуду после скромного обеда, а Ленин складывал в портфель бумаги, готовясь вернуться в библиотеку. Вдруг на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся их друг Бронский²⁵.

Размахивая тонкими листками специального газетного выпуска, он, не успев отдышаться, воскликнул: «Разве вы не слышали? В России произошла революция!»

«Не помню, как мы дождались, пока закончится этот день», – запишет позже Крупская.

²⁵ Бронский М.Г. (1882–1941) – польский социал-демократ, затем большевик. Партийную работу вел в Польше и Швейцарии. С июня 1917 г. работал в Петрограде агитатором и пропагандистом ЦК РСДРП(б).

Глава 2

Ленин, Керенский и вопрос о мире

1

По иронии судьбы, в результате Февральской революции у власти оказались те, кто хотел продолжать войну, хотя вся страна в этот момент была буквально охвачена страстным стремлением к миру. Если бы царский режим сумел подавить революцию, сепаратный мир с Германией был бы заключен практически немедленно и на любых условиях. Аналогичным образом, сумей большевики прийти к власти в то время, политика, которая в конечном итоге привела к заключению Брестского мира, начала бы осуществляться на девять месяцев раньше.

Однако случилось так, что властный скипетр, выпавший из монарших рук 2 марта 1917 г., был подхвачен либералами конституционалистами, которые выступали за продолжение войны под лозунгом защиты свободы и демократии, несмотря на страстное стремление к миру подавляющего большинства жителей России и под лозунгом заключения которого революция фактически и произошла.

В обстановке той сумятицы, которая происходила между Февральской и Октябрьской революциями, Временное правительство выступало за продолжение войны, пытаясь соединить несоединимое: верность союзникам и союзническим обязательствам и молчаливое признание того, что подавляющее большинство общества жаждет немедленного мира. То, что это невозможно, было осознано слишком поздно; эта иллюзия дорого обошлась Временному правительству: большевики использовали общее стремление к миру в качестве орудия, при помощи которого режим, пришедший к власти в результате Февральской революции, был сметен.

Трудно найти в истории пример более откровенного политического бессилия и неумения осуществлять управление государством, чем деятельность Временного правительства, которое пришло к власти после отречения царя от престола.

Это правительство, состоявшее из десяти либералов и одного социалиста («десять капиталистов и один заложник демократии», как писал Ленин)²⁶, пыталось, все менее и менее успешно, «идти по канату», балансируя между верностью союзникам и общей страшной усталостью от войны внутри России, сопровождая это балансирование высокопарными и напыщенными фразами и заявлениями. В результате не получилось ни того ни другого; оно также не смогло найти себе опору среди сторонников монархических традиций, как и создать какую-либо другую основу, на которую оно могло бы опереться. Своего собственного авторитета у него практически не было. Это правительство было не столько революционным, сколько идеалистическим, совершенно неспособным контролировать те мощные народные силы, которые привели его к власти. Такое правительство, как по своему составу, так и по реальным способностям и возможностям, могло бы работать в стране с устоявшимися демократическими порядками, причем на таком этапе развития, когда была бы не нужна сильная государственная власть; однако оно совершенно не подходило для револю-

²⁶ В листовке «Товарищам, томящимся в плену», обращенной к русским военнопленным, В.И. Ленин писал: «Демократ» Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость народного правительства, чтобы иметь «демократического» краснбая, который говорил бы народу громкие, но пустые *слова*, в то время как Гучковы и Львовы будут делать антинародное Дело».

ционного времени. К тому же большинство его членов были в душе монархистами, а не революционерами.

Безусловным лидером конституционно-демократического режима был премьер-министр Временного правительства князь Г. Львов. Он заслужил авторитет и уважение за свою деятельность в качестве председателя Союза земств; еще при царе он выступал за введение конституционной монархии. Министром иностранных дел стал П. Милюков, который много лет изучал вопросы международных отношений и мировой политики и, как казалось, лучше, чем кто-либо из его коллег, подходил для этой должности. Однако, несмотря на свой блестящий ум и замечательные способности, он был больше педагогом-преподавателем, нежели государственным деятелем; его выступления тех времен напоминали лекции, которые профессор университета читает своим студентам, причем довольно бестолковым. Пост военного министра получил А. Гучков, являвшийся представителем успешного московского торгово-промышленного класса. Будучи идеалистом, он принял участие в Англо-бурской войне начала XX в. на стороне буров, а также стал видным лидером консервативного крыла партии октябристов в Думе. Пост министра финансов достался молодому и очень энергичному М. Терещенко²⁷ – «сахарному королю» и одному из самых богатых людей в России, широко известному своей благотворительной деятельностью. В 1916 г. вместе с А. Гучковым он участвовал в подготовке неудавшегося дворцового переворота. Назначен он был на весьма «неблагодарный» пост, поскольку ему предстояло руководить финансами страны, ставшей практически банкротом. И наконец, Керенский²⁸.

Из всех политических фигур, вынесенных «наверх» войной, самой странной и необычной был, безусловно, А. Керенский. Он был сыном директора гимназии, в которой учился Ленин. Благодаря отчасти своим способностям, а отчасти возможностям критиковать в Думе правительство, которыми он активно пользовался, Керенский добился видного положения среди левого крыла думцев. Его выступления были образными и высокопарными и вполне сочетались с его порывистым и запальчивым характером. Он также обладал весьма своеобразной духовной силой и внутренней энергией. «Он наполнял свои паруса ветрами безудержных и неисчерпаемых фантазий, нимало не заботясь при этом, куда они его вынесут, – писал один из его бывших коллег, – и порой он впадал в почти что самую настоящую истерию».

Таким был человек, который спустя несколько недель превратился из «заложника демократии» в правительстве князя Львова в верховного правителя России и которого Ллойд Джордж называл «этот блестящий молодой государственный деятель». Однако после непродолжительного пребывания на посту верховного правителя, опиравшегося на ненадежную и колеблющуюся опору из штыков тех солдатских частей, которые еще были ему верны, он канул в еще более глубокое забвение, чем то, из которого он вознесся на политический олимп.

Однако было что-то действительно замечательное и необычное в этом молодом человеке с квадратной головой и мертвенно-бледным лицом, постоянно произносившем высоко-

²⁷ Терещенко М.И. (1880–1955) – крупный землевладелец, сахарозаводчик, банкир, беспартийный, примыкал к партии «прогрессистов» (так называли себя «прогрессивно настроенные либералы», ставившие целью «утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством»).

²⁸ Керенский А.Ф. (1881–1970) – политический и государственный деятель, депутат Государственной думы, возглавлял в ней фракцию трудовиков. После Февральской революции – заместитель председателя Петроградского Совета, в марте 1917 г. вступил в партию эсеров. В первом составе Временного правительства – министр юстиции, сторонник коалиции с буржуазией. В коалиционном правительстве получил портфель военного и морского министра, с июля 1917 г. – еще и министр-председатель (премьер-министр), с сентября 1917 г. – Верховный главнокомандующий. Был связан с Корниловым, однако, испугавшись, что может потерять власть, отказался от поддержки заговора. После победы Октябрьского вооруженного восстания скрывался в Гатчине, пытался организовать наступление на Петроград. Потерпев неудачу, бежал на Дон и в 1918 г. эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США.

парные страстные речи и не без мужества ведшем «арьергардные бои» со своей собственной судьбой. И, уже будучи человеком средних лет, Керенский сохранял тот еще до конца не растраченный, несколько театральный запал, который заставлял замирать слушавшую его аудиторию, но который не был достаточен для того, чтобы повести ее за собой. Жирондисты необходимы и неизбежны при любой революции.

Охваченные страстным порывом, вызванным стремлением к высоким идеалам, и от всей души желая возрождения и взлета своей страны, они вызывают лавину, которую уже не могут контролировать, когда она начинает свое стремительное движение.

И они по-настоящему счастливы, став жертвой тех разрушительных сил, которые они вызвали, поскольку мученичество, включая и мученическую смерть, намного предпочтительней для них, нежели положение тех, которые «могли, но даже не попытались».

То, что Временное правительство не осознавало серьезности ситуации и, соответственно, не реагировало на нее должным образом, стало очевидно уже с его первых шагов в области внешней политики. Одной из основных причин падения царского режима была имевшая глубокие корни всеобщая ненависть к войне, которая непосильным бременем навалилась на страну; подавляющее большинство людей надеялись на ее скорейшее прекращение. Первые дни Февральской революции характеризовались всеобщим страстным протестом против войны, надеждой на то, что с падением старого режима придет столь желанное облегчение в виде окончания продолжавшегося уже два с половиной года кошмара войны и, наконец, наступит мир. Толпы людей шли по улицам Петрограда с флагами и плакатами, на которых были написаны лозунги: «Мира! Земли! Хлеба!» С теми же лозунгами возвращались с фронта солдаты – теперь уже не солдаты, а гражданские лица с оружием в руках и с революционным боевым настроением. Из всех трех лозунгов требование мира было самым сильным.

Все надеялись, что министр иностранных дел официально озвучит царящие в обществе настроения в соответствующем обращении к союзникам, доведя до их сведения стремление России к скорейшему заключению мира и призвав поддержать ее в этом и последовать, насколько возможно, ее примеру.

Однако именно этого Милюков и не сделал.

В своем первом внешнеполитическом обращении, направленном к представителям российского дипломатического корпуса за рубежом, в котором он официально уведомил их о сформировании нового правительства в Петрограде, Милюков ясно показал, что, по крайней мере, лично он не разделяет общего настроения в обществе на немедленное прекращение войны и остается в этом вопросе на тех же позициях, что и прежний режим. «Правительство будет с уважением и ответственностью относиться к международным обязательствам, взятым на себя прежним павшим режимом, и будет верным данному Россией слову... и заключенному соглашению²⁹, которое неразрывно связало Россию с ее славными союзниками. Как и они, Россия полна решимости обеспечить всему миру, чего бы это ни стоило, наступление эры мира между народами на основе стабильного внутреннего обустройства стран на началах уважения человеческих прав и справедливости. Она будет сражаться вместе с ними плечом к плечу против общего врага до победного конца без каких-либо колебаний и сомнений».

Хотя это заявление было с радостью и удовлетворением встречено союзниками, которые с нетерпением ждали новостей из России о внешнеполитическом курсе нового правительства и в то же время делали предположения относительно того, рухнет ли Восточный

²⁹ Имеется в виду секретное соглашение, подписанное 23 августа 1914 г. в Лондоне Англией, Францией и Россией, в котором они взяли на себя обязательство не вступать в отдельные переговоры о мире с державами Центрального блока. (Примеч. авт.)

фронт полностью или нет, оно ни в коей мере не отражало действительных настроений по поводу войны ни в армии, ни в России в целом³⁰.

В то же время в Петрограде проходило заседание другого органа власти, который уже тогда имел удивительно большое влияние и значение которого постоянно возрастало. Это был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который был избран 27 февраля 1917 г. – еще до краха царского режима.

С самого начала Совет был единственным органом, который пользовался уважением и влиянием среди тех, кто непосредственно «делал» революцию, – солдат петроградского гарнизона и питерских рабочих. В тот момент этот орган контролировался меньшевиками во главе с князем Церетели.

Большевики в Петроградском Совете были представлены очень маленькой фракцией, которая не оказывала серьезного влияния на его работу и которой не хватало умелого и умного руководства. Фракцию возглавляли в то время Сталин и Каменев³¹, недавно вернувшиеся из сибирской ссылки, причем в те дни будущий российский диктатор не проявил на посту одного из руководителей фракции качеств лидера и руководителя.

Не подлежит сомнению, что Петроградский Совет пользовался большим доверием со стороны рядовых граждан, чем Временное правительство, особенно со стороны рабочих и крестьян. Однако Совет не шел на сотрудничество с Временным правительством в каких-либо вопросах управления, а лишь выдвигал определенные политические требования и выступал в роли критика правительства. Более того, в революционном запале он нанес последний удар, окончательно похоронивший воинскую дисциплину, приняв печально знаменитый Приказ № 1, согласно которому, помимо прочего, солдаты освобождались от обязанности отдавать честь вышестоящим чинам.

О том, насколько правительство ощущало свое бессилие и насколько оно зависело от этого органа, не входившего в официальную систему управления, можно судить из письма военного министра Временного правительства генералу Алексееву от 9 марта 1917 г. А.И. Гучков писал: «Прошу верить, что действительное положение вещей таково: Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета».

Являясь фактически независимым органом власти, Совет проводил свою собственную внешнюю политику и пытался донести до всего мира стремление трудящихся России к заключению немедленного мира. Совет действовал по двум направлениям: с одной стороны, он оказывал давление на Временное правительство, чтобы оно выступило наконец с призывом к заключению всеобщего демократического мира всеми воюющими странами, а с другой стороны, обращался напрямую к правительствам и народам других стран, вобход Временного правительства.

³⁰ Текст ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г. правительствам союзных государств с заверением, что Временное правительство будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца, стал известен в Петрограде 20 апреля. Возмущенные солдаты и рабочие вышли на улицы Петрограда с лозунгами «Долой войну!», «Долой Милюкова!», «Долой Гучкова!», «Вся власть Советам!».

³¹ Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883–1936) – политический и государственный деятель, участник революции 1905–1907 гг., в 1908–1914 гг. находился в эмиграции. В 1914 г. вернулся в Россию для руководства «Правдой» и социал-демократической фракцией Государственной думы. Противник «Апрельских тезисов» В.И. Ленина. На VI съезде партии избран членом ЦК. Вместе с Г.Е. Зиновьевым выступал против вооруженного восстания в октябре 1917 г. В партии занимал умеренные позиции.

13 марта 1917 г. Петроградский Совет принял Воззвание к народам мира, призывая трудящихся всех стран предпринять все необходимые усилия для того, чтобы положить конец кровавой бойне. «Настало время решительной борьбы с захватническими планами правительств всех стран, от которых они исходят; настало время, когда народы должны взять решение вопросов войны и мира в свои руки. Российская демократия призывает народы всей Европы предпринять согласованные и решительные шаги, которые бы привели к заключению мира». В воззвании содержалось специальное обращение к «братьям-трудящимся стран австро-германской коалиции и, в первую очередь, к пролетариату Германии»; в то же время в воззвании подчеркивалось, что революционная Россия будет защищать свою свободу от любой угрозы, откуда бы она ни исходила; завершилось воззвание знаменитым призывом, впервые прозвучавшим в 1847 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это было первое свидетельство, полученное миром, о появлении новой влиятельной силы в России, как и о том, что в стране существует серьезный внутренний конфликт, вызванный фактическим двоевластием.

Положение Временного правительства еще более осложнилось после того, как Милюков в интервью, данном специально для средств массовой информации, выступил за установление Россией контроля над Дарданеллами, что обеспечило бы ей выход в Средиземное море и положительно сказалось бы на экономическом развитии страны.

Это заявление продемонстрировало, какая пропасть лежит между официальной внешней политикой и общественным мнением, и вызвало бурю критики со стороны Петроградского Совета. И большевики, и меньшевики дружно обрушились на этот, по их мнению, возмутительный образчик империалистической политики. Премьер-министр князь Г. Львов поспешил отмежеваться от заявления министра иностранных дел, подчеркнув, что, говоря о польности владения Константинополем, тот высказал свою личную точку зрения и что она не была согласована с другими членами правительства. Он пообещал, что в ближайшие дни будет сделано официальное правительственное заявление по вопросам внешней политики.

Однако до того, как это обещание было выполнено, произошло событие, которому хотя и не придали большого значения, как в России, так и за рубежом, но которому было суждено затмить по важности все другие события – в Россию вернулся Ленин.

2

Союзники России встретили Февральскую революцию с удовлетворением и облегчением. Хотя они высоко оценивали личную приверженность Николая II союзническим обязательствам, в то же время они не могли не приветствовать отстранение от власти прогермански настроенных и коррумпированных лиц из царского окружения, которые ослабили как военную машину России, так и всю страну в целом. Было давно ясно, что во власти нет никого, кто бы мог справиться с ситуацией в это критическое время, а те, кто, казалось, мог это сделать, не допускались к власти из-за предрассудков царя. В подобной ситуации, как писал Ллойд Джордж, революция «была не только неизбежна, но и настоятельно необходима». В тот момент еще не все поняли – и это касалось даже такого проницательного человека, как английский посол в России Дж. Бьюкенен³², – что в стране произошла замена одного режима на другой и что поэтому в силу естественного хода вещей этот новый режим долго не продержится. Все надежды союзников в тот момент были сконцентрированы на побуждении России к более активному участию в операциях на восточном театре военных действий.

Была и другая причина положительного отношения союзников к Временному правительству: Россию стало возможным относить к демократическим странам, хотя она только что вступила на этот путь и была «новичком». Таким образом снималось последнее препятствие на пути вступления США в войну на стороне стран Антанты, а также появлялась возможность для правительств самих этих стран заручиться большей внутренней поддержкой со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые до этого не испытывали большого энтузиазма от союзнических отношений с царской деспотией. О том, что Февральская революция оказала серьезное влияние на подход президента В. Вильсона к вступлению Соединенных Штатов в войну, видно из послания президента конгрессу, в котором предлагалось объявить войну Германии. В нем, в частности, говорилось: «То, что в России появилось новое правительство, являющееся либеральным, и имеется вероятность того, что оно будет развиваться и укрепляться, содействует отказу от наших сомнений относительно возможности установления союзнических отношений с российским правительством, которое мы до этого справедливо считали тираническим и коррумпированным».

В приветственной телеграмме князю Львову от 8 марта 1917 г. Ллойд Джордж писал: «Так же как мы приветствовали твердую приверженность союзническим обязательствам и сотрудничеству со стороны бывшего российского монарха и русской армии в течение двух с половиной лет войны, мы сейчас столь же сильно и глубоко убеждены, что революция, посредством и благодаря которой русский народ поставил свою историческую судьбу на прочную основу свободы, будет важнейшим вкладом в общее дело, за которое народы стран-союзниц борются с августа 1914 года».

Правительства других союзнических держав слали в Петроград поздравительные телеграммы, выдержанные в том же духе, и заявляли о признании *де-юре*³³ Временного правительства. Они призвали своих коллег и партнеров из социалистических партий скорее отправиться в Петроград, чтобы следить за развитием революции на месте и получать информацию из первых рук, а также добиться того, чтобы новое правительство обеспечи-

³² Джордж Уильям Бьюкенен (1854–1924) – английский дипломат, в 1910–1918 гг. был послом в России. Активно вмешивался во внутренние дела страны, чтобы любой ценой обеспечить участие России в войне, оказывал поддержку самым реакционным силам в борьбе с нараставшей революцией. В августе 1917 г. поддерживал корниловский мятеж. После Октябрьской революции участвовал в контрреволюционных заговорах, затем – в интервенции Антанты против Советской России.

³³ То есть о полном официальном признании.

вало интересы союзников. Артур Хендерсон из Англии, Альбер Тома из Франции, Эмиль Вандервельде из Бельгии и Чарльз Эдвард Рассел из США спешно прибыли в Россию с поздравлениями новому правительству и стали дружно «наседать» на Временное правительство, требуя от него невозможных «подвигов и свершений», а именно более активного ведения военных действий. Социалисты из стран Антанты вернулись из Петрограда с убеждением, что у новой российской власти есть основания оптимистично смотреть в свое будущее, однако следует отметить, что Э. Вандервельде завершил отчет о своей поездке следующей цитатой из Ницше: «Должен быть хаос, чтобы из него возникли новые звезды; должен быть хаос, чтобы смогли родиться новые миры».

Насколько Февральская революция стала источником облегчения для союзников, настолько же она стала предметом озабоченности и беспокойства со стороны Центральных держав. Хотя надежды на заключение сепаратного мира с Россией рухнули с провозглашением в ноябре 1916 г. независимого Царства (Королевства) Польского, прогерманские настроения при дворе, а также коррумпированность и неэффективность правящего режима безусловно были на руку Германии, являясь ее, так сказать, косвенным, но эффективным союзником. Военные действия на Восточном фронте практически замерли, и германское Верховное командование, учитывая это, готовилось к весеннему наступлению союзников на Западном фронте, поэтому его планы не ориентировались на активизацию военных действий со стороны России.

Будучи гораздо лучше осведомлено о реальном положении дел в России, чем союзники по Антанте, германское командование сразу уловило, что наиболее слабым местом России является общая усталость от войны как гражданского населения, так и солдат. «Органам пропаганды была дана команда предпринять немедленные усилия по стимулированию движения за мир в рядах русской армии», – пишет в своих воспоминаниях Людендорф. Русских также призывали не стоять на точке зрения своих союзников, а стремиться к заключению мира, независимо от того, что думают по этому поводу другие члены Антанты. «К чему стремится русский народ? – говорилось в одной из немецких листовок, разбрасываемых в русских окопах. – К тому, чтобы выполнять цели, поставленные союзниками, от чего Россия пока еще не отказалась, или к заключению мира, о чем все громче и громче ведутся разговоры среди солдат русской армии?.. Если новое правительство России вместе со своими союзниками желает убедиться, что германские дивизии и тяжелая артиллерия остаются нетронутыми на Западном фронте и не перебрасываются на Восточный, – они могут это сделать. Когда же вы, наконец, поймете, что именно Англия копает вам могилу?»

Однако подобный метод прямого пропагандистского воздействия не мог дать быстрых и эффективных результатов. Наступления союзников на линию Людендорфа на Западном фронте можно было ожидать, что называется, со дня на день. Необходимы были более действенные методы подрыва нового режима в России, возникшего в результате Февральской революции, который столь активно старались поддержать и упрочить союзники. Верховное командование обдумывало, какое более искусное и действенное орудие можно было бы применить для достижения упомянутой цели, и вдруг совершенно неожиданно такое орудие, как казалось, само буквально попало в руки. И лишь год спустя военным кругам Германии стало понятно: то, что они считали действенным орудием, на самом деле оказалось смертельной силы бумерангом для них же самих.

3

В Цюрихе Ленин не находил себе места и буквально извелся от волнения и нетерпения. Революция, ради которой он положил столько сил и которую так ждал, произошла, но произошла совершенно неожиданно для него. Он был заперт в этом затхлом и опостылевшем мирке, в то время как на улицах Петрограда творилась революционная история. Первые три дня после получения известий о революции в Петрограде он находился в какой-то неистовой лихорадке. Все дневные часы он проводил в разработке самых отчаянных и невероятных вариантов возвращения в Россию, ночные – в испугленном бреду. Он буквально проглатывал любую новость о событиях в России из всех английских, французских и немецких газет, которые попадались ему под руку. Каждая телеграмма, каждая весть из Петрограда наполняла его душу тоской и ностальгическими воспоминаниями; он страстно желал вырваться из мира теоретической работы, в которую был погружен все эти годы, и с головой окунуться в живую практическую деятельность. Он должен во что бы то ни стало выбраться из Швейцарии – это было его главной мыслью и заботой в то время. При этом он прекрасно понимал, что как Временное правительство, так и спецслужбы стран Антанты сделают все возможное и невозможное, чтобы не допустить этого. Он перебирал самые фантастические варианты: например, улететь из Швейцарии на аэроплане или покинуть ее по поддельному паспорту в парике под видом немого шведа.

«Ты можешь начать разговаривать во сне, – говорила его практичная жена. – Если тебе приснятся меньшевики, – смеялась Крупская, – ты сразу начнешь кричать: «Негодяи! Предатели!» – «Ну что же, – отвечал Ленин, – в таком случае придется выучить шведский».

Однако спустя три дня хладнокровие вернулось к нему. В письмах в Швецию к преданной ему А. Коллонтай видна четкая и острая работа мысли; из предельно ясного и точного анализа ситуации в России понятно, что у Ленина не было ни малейших иллюзий насчет того, что Временное правительство сможет долго удержаться у власти. В письмах, предназначенных для распространения в России, он подчеркивает важнейший, по его мнению, тезис, связанный с произошедшей революцией: он призывает товарищей по партии не дать ввести себя в заблуждение Временному правительству и четко понимать, что оно является империалистическим по своим целям и сути, так же служит капиталистам и является таким же врагом трудящихся, как и старый режим, который оно сменило. Оно не сможет дать массам то, что они ожидали от революции, – мира, хлеба и свободы, подчеркивал Ленин. «Наша тактика: полное презрение и никакой поддержки Временному правительству», – телеграфировал он членам большевистской фракции в Петроградском Совете. «Керенский вызывает наибольшие подозрения. Вооружение пролетариата – единственная гарантия».

В течение нескольких дней (с 6 по 24 марта 1917 г.) Ленин изложил задачи большевистской фракции в Совете в пяти направленных им письмах, названных «Письмами из далека». В них рассмотрены все основные вопросы революции и сформулированы задачи и пути их реализации по переходу к ее второму этапу – установлению диктатуры пролетариата. Эти работы являются ярчайшим свидетельством революционного гения Ленина. Точность и глубина оценок, проницательность и дальновидность в определении сильных и слабых сторон, безграничная и неослабевающая вера в возможности трудящихся масс – все это вызывает восхищение, если учесть скудность информации, которой располагал Ленин, и ненадежность каналов связи с Россией, действовавших с большими перебоями.

С удивительной точностью и ясностью показал он неспособность Временного правительства удовлетворить главное требование трудящихся России – дать им мир, и провозгласил, что главным и первоочередным пунктом «пролетарской» программы мира является отказ от всех секретных договоров, заключенных Россией со странами Антанты, и их немед-

ленное опубликование, а также немедленный призыв ко всем воюющим странам заключить перемирие на всех фронтах. Это объявлялось самой первой задачей «правительства рабочих и крестьян» после того, как оно возьмет власть в свои руки.

Тезисы и тактические задачи, поставленные Лениным, не были до конца ясны и понятны многим его соратникам в Петрограде, которые считали разговоры о новой революции и захвате власти пролетариатом утопической мечтой. В то время как Ленин страстно, настойчиво слал через всю Европу в Петроград свои призывы не доверять новой власти, Каменев, при поддержке Сталина, все больше склонялся к социал-патриотизму и фактическому сотрудничеству с Временным правительством.

Почувствовав усиление подобной тенденции в большевистской фракции Петроградского Совета – частью инстинктивно, частью из статей Каменева в «Правде», – Ленин удвоил усилия, чтобы как можно быстрее вырваться из Швейцарии. На встрече представителей политических партий России в Женеве, состоявшейся 5 марта 1917 г., лидер меньшевиков Мартов предложил, учитывая нежелание правительств стран Антанты пропустить политэмигрантов через свою территорию для возвращения в Россию, обратиться за разрешением проехать через Германию в обмен на позволение интернированным в России гражданским лицам из Германии вернуться на родину. Другие члены меньшевистской партии критически отнеслись к столь откровенному и дерзкому плану, опасаясь того, что это неизбежно приведет к соответствующим его оценкам в России. Ленин, однако, тут же ухватился за эту возможность. Он не колебался ни минуты. Если надо выбирать между тем, чтобы ехать в Россию через Германию, и тем, чтобы оставаться в Швейцарии, то выбор для него был предельно ясен. Он немедленно готов ехать хоть через преисподнюю, под гарантии князя тьмы, если таким образом он сможет попасть в Петроград. С едким презрением он разбил все аргументы колеблющихся меньшевиков и добился принятия предложенного плана.

Первые попытки осуществления его оказались неудачными. В ответ на просьбу секретаря социал-демократической партии Швейцарии Роберта Гримма к швейцарскому правительству быть посредником в переговорах с Берлином по этому вопросу президент Союзного совета Швейцарии Гофман, отвечавший за работу политического департамента, отказался предпринять подобные шаги на основании того, что они могут быть расценены странами Антанты как нарушение Швейцарией нейтралитета. Он подчеркнул, что политэмигранты должны подать официальную просьбу на разрешение вернуться в Россию на имя министра юстиции Временного правительства (в тот момент этот пост занимал Керенский). Раздраженный случившейся задержкой, Ленин согласился на это, за неимением ничего лучшего, и соответствующая просьба была отправлена.

Прошла неделя, потом другая, а из Петрограда не было никаких вестей. Ленин был буквально вне себя от нетерпения. Вопреки предостережениям меньшевиков и других социал-демократов, он поручил секретарю социал-демократической партии Швейцарии Фрицу Платтену³⁴ вступить в прямые переговоры с германским правительством. Платтен вступил в контакт с доктором Гельфандом, известным среди революционеров как Парвус³⁵.

Он был русским политэмигрантом и еще в 90-х гг. XIX в. стал членом социал-демократической партии Германии. Не проконсультировавшись с руководством партии, Парвус начал зондировать почву в Берлине. Он связался с министерством иностранных дел и обсудил это предложение. Специалисты по Восточной Европе Мирбах и Малзан весьма им заин-

³⁴ Платтен Фридрих (Фриц) (1883–1942) – швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист, в апреле 1917 г. был организатором переезда В.И. Ленина из Швейцарии в Россию. 1 января 1918 г. спас В.И. Ленина во время вооруженного покушения на него, когда автомобиль, в котором ехал Владимир Ильич, был обстрелян террористами.

³⁵ Парвус (Гельфанд А.Л.) (1869–1924) – в конце 1890-х – начале 1900-х годов участвовал в социал-демократическом движении России и Германии, примыкал к левому крылу социал-демократической партии Германии. После II съезда РСДРП – меньшевик. Парвус выдвинул «теорию перманентной революции», впоследствии используемую Л. Троцким.

тересовались; положительное заключение было получено от Брокдорфа-Ронзау, который в то время занимал пост советника в германском посольстве в Дании. Гельфанд обсудил этот вопрос в аппарате имперского канцлера и, что более важно, обсудил его также с Эрцбергером и через него вышел на германское Верховное командование. Теперь принятие или непринятие этого плана зависело от того, какое решение примут Гинденбург и Людендорф.

Гельфанд объяснил им, что если они действительно хотят, чтобы Россия вышла из войны, то должны понять, что никто, кроме Ленина, не сможет этого добиться, поскольку это как раз то, к чему он стремится. Вернувшись в Россию, он вышвырнет вон из власти сладкоречивых идеалистов, таких как Керенский и Чхеидзе, и будет готов к заключению немедленного перемирия, а дальше уже только от самой Германии будет зависеть заключение мира с Россией на разумных условиях.

Германское Верховное командование сочло, что в данном случае игра стоит свеч. Оно охотно дало согласие на эту операцию, мало задумываясь о том, что своими собственными руками готовит себе в недалеком будущем «удар ножом в спину». В краткосрочной перспективе такое решение казалось немецкому командованию полезным и разумным. Развал армии противника посредством пропаганды рассматривался как своеобразная форма наступления. Что вызывает удивление, так это искреннее убеждение немецких военных и политических кругов, что немецкая армия и немецкий народ окажутся невосприимчивыми к той инфекции, вирусом которой планировалось поразить армию и народ России. «В то время никто не мог предвидеть губительные последствия для России и всей Европы от появления этих людей в России», – писал генерал Гофман в своих воспоминаниях. Он также говорил: «Мы не знали и не могли предвидеть и предположить, какую угрозу и опасность для человечества представляли последствия возвращения большевиков в Россию. В тот момент мы столь же мало уделяли внимания этому вопросу и придавали ему столь же малое значение, как это делают сейчас страны Антанты».

Впоследствии Людендорф предпочел переложить ответственность за этот шаг с себя и Гинденбурга на тогдашнего германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега. «Дав возможность Ленину вернуться в Россию, – писал Людендорф в своих мемуарах, – мы взяли на себя большую ответственность. С военной точки зрения это было оправданно, поскольку нужно было попытаться опрокинуть Россию. Но наше правительство должно было позаботиться о том, чтобы мы не опрокинулись вместе с Россией». В статье, написанной для одного из военных журналов, он высказался еще более откровенно: «Принимая решение дать разрешение Ленину ехать в Россию, канцлер обещал нам, что вследствие этого русская революция будет развиваться более стремительно, а вместе с ней и стремление к миру в русской армии и флоте, которое уже проявлялось весьма отчетливо. В Генштабе сочли, что это привело бы к ослаблению армии противника. Никто в Генштабе не знал, кто подтолкнул канцлера к мысли разрешить Ленину проехать в Россию. Да и сам канцлер вряд ли знал имя этого человека; тем не менее развитие событий показало, что, приняв предложение канцлера, мы поступили правильно и обоснованно».

Для тех, кто знаком с внутривластной обстановкой в Германии того времени и процессом принятия решений, звучит весьма забавно, что Верховное командование кротко согласилось с предложением канцлера по столь важному вопросу. Гинденбург и Людендорф в высшей степени презрительно и пренебрежительно относились к Бетман-Гольвегу, что было отражением подобного отношения касты прусских военных к гражданским политикам в целом. Всего за несколько недель до этого они вынудили кайзера дать согласие на неограниченное использование в боевых действиях подводных лодок вопреки возражениям федерального канцлера. А спустя три месяца ими же была организована отставка Бетман-Гольвега, на место которого был назначен ставленник военных Михаэлис. Именно в их руках находилась в те дни судьба Германии, и именно они, а не император и не канцлер, несут

главную ответственность за принятие этого шага, имевшего, как оказалось, историческое значение.

Итак, жребий был брошен. Германской дипломатической миссии в Берне были даны инструкции положительно ответить на предложение Платтена. В результате 22 марта 1917 г. было заключено уникальное соглашение между империей Гогенцоллернов и редакцией швейцарской революционной газеты. Ленин в предварительной беседе с Платтеном с чрезвычайной тщательностью разработал все детали соглашения. Он потребовал, чтобы вагон, в котором будут ехать политэмигранты, обладал полным статусом экстерриториальности на всем пути следования; всем членам партии давались полные гарантии освобождения от личного досмотра, а также проверки документов и багажа. Платтен должен будет сопровождать политэмигрантов на всем пути следования, и только он один уполномочен вести переговоры и вступать в контакт с германскими официальными лицами; в дополнение к этому, никто не мог покидать вагон в ходе следования или входить в него без разрешения Платтена (именно благодаря этому пункту соглашения и появилась легенда о «пломбированном вагоне»). Единственное обязательство, которое взяли на себя политэмигранты, заключалось в следующем: по возвращении в Россию они будут призывать к тому, чтобы соответствующему количеству интернированных гражданских лиц из Германии и Австро-Венгрии, равному по численности вернувшимся российским политэмигрантам, было разрешено покинуть Россию³⁶.

24 марта это соглашение было одобрено и «ратифицировано» в Берлине, а двумя днями спустя поезд, «груженный» политическим динамитом – группой из 32 политэмигрантов, в состав которых входили В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Г.Е. Зиновьев³⁷, Г.Я. Сокольников³⁸ и К. Радек³⁹, отправился в путь от Центрального вокзала в Берне⁴⁰.

Меньшевики остались в Швейцарии и до последнего момента осуждали решение большевиков вести прямые переговоры с Германией, не дожидаясь ответа из Петрограда. Ю.О. Мартов и П.Б. Аксельрод опасались обвинений со стороны своих товарищей в России, что, получая согласие со стороны германских властей на проезд по территории Германии, они окажутся в положении своего рода «должников» германского Генштаба, к тому же им придется взять на себя определенные обязательства и из-за того, что они имели соответствующие контакты с германским командованием, и к ним будут относиться как к «германским агентам»⁴¹.

³⁶ Серьезным неудобством для возвращавшихся в Россию большевиков было запрещение курить в вагонах поезда, которое строго контролировалось германскими проводниками. Политэмигрантам приходилось пользоваться расположенным в конце вагона туалетом, когда желание курить становилось нестерпимым, к неудовольствию других их спутников, которые в это же время хотели воспользоваться туалетом по его прямому назначению. (Примеч. авт.)

³⁷ Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. (1883–1936) – политический деятель. В революционном движении с конца 90-х гг., член большевистской партии в 1910–1934 гг. Дважды исключался – в 1927 и 1934 гг. После Февральской революции вошел в состав Исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК, председатель Петроградской большевистской организации. Осенью 1917 г. высказывается против курса на вооруженное восстание. После победы Октябрьской революции поддерживал создание однородно-социалистического правительства из представителей всех социалистических партий.

³⁸ Сокольников (Бриллиант) Г.Я. (1888–1939) – в большевистской партии состоял с 1905 г. После Февральской революции – член Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б), член редакции «Правды». После Октябрьской революции находился на партийной и советской работе.

³⁹ Радек К.Б. (1885–1939) – с начала 1900-х годов принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши и Германии. В большевистской партии состоял с 1917 г. После Октябрьской революции работал в Наркомате иностранных дел, был секретарем Исполкома Коминтерна. В 1918 г. – «левый коммунист»; с 1923 г. – активный деятель троцкистской оппозиции.

⁴⁰ В.И. Ленин начал предпринимать попытки выехать из Швейцарии в Россию, как только подтвердилась достоверность Февральской революции. «Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!» – писал он И.Ф. Арманд 2 марта 1917 г.

⁴¹ Несколько месяцев спустя Мартов и Аксельрод, а также около 200 меньшевиков также вернутся в Петроград через территорию Германии. (Примеч. авт.)

С аналогичным обвинением пришлось столкнуться Ленину и его спутникам по возвращении в Россию, причем не только со стороны стран Антанты и Временного правительства (что было вполне ожидаемым и естественным) и не только со стороны меньшевиков и эсеров, но даже и со стороны своих же товарищей по партии – большевиков, входивших в состав Петроградского Совета. И первым делом для Ленина и тех, кто возвращался в Россию вместе с ним, было показать всю беспочвенность и лживость подобных обвинений.

Предположение о том, что Ленин, пересекая территорию Германии, действовал в качестве германского шпиона в любом понимании этого слова, является совершенно бессмысленным и смехотворным. Трудно представить себе стороны, которые относились бы как к самому соглашению, так и к друг другу с более грубым прагматизмом и цинизмом, чем Ленин и Людендорф. Отношение немецкой стороны было очень точно и откровенно охарактеризовано начальником Генштаба Восточного фронта генерал-майором М. Гофманом, который, по случайному стечению обстоятельств, не принимал участия в обсуждении и заключении этого соглашения и узнал о нем лишь тогда, когда Ленин прибыл в Петроград. «Так же как я накрываю окопы противника артиллерийским огнем, поражая его снарядами, а также отравляющим газом, я могу использовать для этих же целей пропаганду против него... Лично я ничего не знал о поездке Ленина через территорию Германии. Однако, если бы спросили мое мнение, я навряд ли бы ответил отрицательно». Ленин также предельно реалистично подходил к этому вопросу. Перед отъездом из Швейцарии он писал: «Если бы Карл Либкнехт сейчас был в России, Временное правительство, безусловно, разрешило бы ему выехать в Германию. Интернационалисты всех стран должны использовать в интересах пролетариата интриги и аферы империалистических правительств, не делая при этом никаких изменений в своем курсе и не идя ни на малейшие уступки этим правительствам».

Если и можно говорить о каком-то соглашении или «сделке» между Людендорфом и Лениным, то эта «сделка» основывалась на полнейшем недоверии друг другу и готовности в любое время ее нарушить; она представляла собой скорее поединок, каждая из сторон в котором стремилась переиграть другую. Однако немцы явно недооценили масштаб и, говоря военным языком, калибр противника, с которым им пришлось столкнуться. Людендорф рассуждал примерно так: «Сначала Ленин отстранит от власти русских патриотов, а затем я повешу Ленина и его друзей». Ленин же мыслил следующим образом: «Я проеду через Германию в машине Людендорфа, а потом рассчитаюсь с ним за услуги по-своему». В письме, адресованном швейцарским рабочим, написанном Лениным перед отъездом в Россию, его намерения в отношении Германии изложены предельно ясно: «Нам придется вести революционную борьбу против немецкой и не только одной немецкой буржуазии. И мы будем ее вести. Мы не пацифисты... Будущее Германии принадлежит тому направлению, которое дало нам Карла Либкнехта и создало группу «Спартак»... *Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции*».

Так получилось, что то оружие, при помощи которого вел борьбу Ленин, и сама эта борьба были расценены в Германии как совпадавшие с германскими интересами; при этом интересы Германии также совпали со всепоглощающим желанием Ленина вернуться в Россию. Каждая сторона была готова нарушить договоренности и обмануть другую. В этой схватке умов в духе Макиавелли Ленин оказался более искусным и дальновидным.

Неудивительно и даже, можно сказать, естественно, что страны Антанты и Временное правительство стали распространять легенду о том, что Ленин является немецким шпионом и что он вез с собой не только разрешение германского Верховного командования на проезд по территории Германии, но и мешки с немецким золотом, для того чтобы использовать его (как и специально открытый счет Deutsche Discontoge-sellschaft) в соответствии с указаниями немецких «хозяев». Это был естественный пропагандистский ответный удар Антанты на проведенную Германией операцию с «пломбированным вагоном», и эта пропагандист-

ская атака дала блестящие результаты. Те, кто поверил во всю эту историю, упускали из виду, что обещания Ленина дать людям мир и хлеб привлекают к нему солдат и рабочих сильнее, чем все немецкое золото, вместе взятое. Страны Антанты до самого конца так и не поняли, насколько сильно Россия устала от войны и как страстно хотело мира подавляющее большинство русского общества.

Запущенная Антантой «шпионская история» распространялась быстро и достигла Петрограда раньше, чем туда прибыл Ленин. Однако она и облегчила ему возвращение в Петроград. По воспоминаниям В. Набокова, бывшего в то время управляющим делами Временного правительства, когда на одном из заседаний рассматривался вопрос об аресте Ленина по прибытии его в Петроград, большинство министров посчитали это совершенно излишним, поскольку, по их мнению, сам факт обращения к германским властям за разрешением на проезд по германской территории должен был настолько подорвать авторитет Ленина в России, что его теперь можно не опасаться.

Позднее правительство США опубликовало знаменитые «документы Сиссона», которые в немалой степени содействовали распространению «шпионской истории»⁴²; благодаря аналогичным «косвенным уликам», многие стали воспринимать эту историю как правду, в том числе Керенский и американский посол в Петрограде Д. Френсис.

Однако Ленин, спешивший в Россию через континентальную Европу и шведский Мальмё, не опасался подобных обвинений. Он взвесил и рассчитал все последствия еще до начала переговоров с Германией. Он знал, что его политические противники будут пытаться облить его грязью, но он твердо верил, что народные массы все равно пойдут за ним.

Заключенное в Берне соглашение соблюдалось самым тщательным образом. Ленин с презрением отверг все попытки германских социал-демократов вступить с ним в контакт, когда поезд, в котором он ехал, стоял на запасном пути в Берлине. Для него Каутский, Шейдеман и Эберт, голосовавшие в рейхстаге за выделение военных кредитов, были такими же врагами, как Людендорф и кайзер. Он не хотел иметь ничего общего с теми, кто предал дело мирового социализма.

На границе с Россией полиция не разрешила въезд в страну Ф. Платтену и К. Радеку – последнему на том основании, что он являлся гражданином Австро-Венгрии и членом Социал-демократической партии Германии⁴³, но остальным въезд в Россию был разрешен. Когда прибывшие политэмигранты по пересечении российской границы пересаживались в Финляндии с поезда на поезд, их встречала группа большевиков, специально для этого приехавшая из Петрограда. «Что это вы пишете в «Правде»? – были первые слова, с которыми Ленин обратился к Каменеву, которого не видел несколько лет. – Мы прочитали несколько номеров, и пришлось задать вам жару».

По мере того как поезд вечером 2 апреля приближался к Петрограду, у Ленина все больше росло убеждение в том, что по приезде он будет арестован. Он не боялся ареста, однако перспектива оказаться в Петропавловской крепости была для него крайне неприятна – ведь и так потеряно много времени, а впереди столько работы! Однако его опасения оказались напрасными. Как только поезд въехал на станцию, на платформу хлынула толпа людей,

⁴² «Документы Сиссона» представляли собой материалы, полученные Эдгаром Сиссоном, который работал в то время в России в качестве сотрудника американской Комиссии по информированию общественности. Цель собранных материалов состояла в том, чтобы убедить тех, кто с ними знакомился, в связях руководителей большевиков с немецким Верховным командованием; подлинность документов была подтверждена рядом видных ученых славянского происхождения, живших в США. За несколько месяцев до того, как сборник этих материалов был приобретен Сиссоном, его предлагали английскому министерству иностранных дел, которое отклонило это предложение, сомневаясь в их подлинности, что было совершенно справедливо и обоснованно. Свой собственный взгляд на эту историю Сиссон изложил в книге «Сто красных дней», вышедшей в Нью-Хейвене в 1931 г. (Примеч. авт.)

⁴³ Радек поселился в Германии после неудачи революции 1905 г., в которой он принимал участие, находясь на территории Польши. (Примеч. авт.)

заполнившая ее всю. Когда Ленин сошел с поезда, толпа буквально поглотила его. Кто-то втиснул ему в руки букет роз, и вместе с приехавшими с ним его спутниками он был буквально внесен в привокзальные апартаменты, служившие залом ожидания для царя. Ленин в царском зале ожидания! Да, такова была ирония исторической судьбы, и немало подобных «улыбок истории» еще ждало впереди. Комиссию по встрече возглавлял председатель Петроградского Совета Н. Чхеидзе!

А ведь самыми мягкими словами, которые использовал Ленин для его политической характеристики, были «негодяй и предатель»! Увидев его, Ленин резко остановился; Чхеидзе выглядел весьма смущенным. Он быстро произнес приветственную речь, в которой говорилось и о том, какой позиции он ожидает от Ленина:

«Товарищ Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России. Однако мы считаем, что главной задачей революционной демократии в настоящее время является защита нашей революции от любых нападков, как изнутри, так и извне. Мы надеемся, что вы присоединитесь к нам в борьбе за достижение этой цели».

Наверное, сложившаяся обстановка была приятна Ленину – она вполне согласовывалась с той живой ироничностью, которая всегда была ему присуща. Букет роз, затем царские апартаменты, и вот теперь речь Чхеидзе. От его ответа на эту речь зависело очень многое. Ленин предпочел сразу поставить все точки над О. Он несколько минут молчал, был спокоен и собран, немного даже позабавлен всем произошедшим и явно не знал, куда деть преподнесенный ему букет. Затем он сделал жест, как бы отстраняясь от Чхеидзе, и обратился прямо к толпе людей, заполонивших вокзал: это было символом всей его политики – обращаться напрямую к народу.

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победоносную русскую революцию, приветствовать вас как авангард армии мирового пролетариата. Недалек тот час, когда по призыву Карла Либкнехта немецкий народ повернет оружие против капиталистических эксплуататоров. Революция в России, сотворенная вашими руками, открыла новую эпоху. Да здравствует мировая социалистическая революция!»

Всего в нескольких словах своего небольшого выступления Ленин объявил войну Милюкову и Керенскому, с одной стороны, а также Людендорфу и Каутскому – с другой. Из этого выступления можно было понять, какой политической линии он будет придерживаться в будущем.

Его психологическая оценка настроения собравшихся людей оказалась совершенно верной. Брошенный им в массы призыв возымел немедленный отклик. Толпа подхватила Ленина на руки. Этот такой необычный, невысокий, лысоватый человек 47 лет от роду, которого многие из собравшихся никогда до этого не видели, но одно имя которого так много значило для них, сразу стал как бы их неразрывной частью. Буквально сметая в сторону комиссию по встрече, люди, с ощущением победы и радости, триумфально понесли Ленина на руках в ранних сумерках дождливого вечера, поставили его на броневик и все двинулись к роскошному особняку популярной балерины Кшесинской, в котором размещался штаб большевиков (Ленин с его чувством юмора наверняка оценил это забавное несоответствие!). Так Россия приветствовала своего будущего правителя.

За несколько дней до этого, на одном из заседаний правительства, Керенский, недовольный своими коллегами, раздраженно сказал: «Подождите, вот через несколько дней придет Ленин, и тогда придется работать по-настоящему».

4

Петроград, в который вернулся Ленин, представлял собой в то время необычное, если не сказать странное зрелище. Присутствовало ощущение какой-то загадочности и нереальности происходящего; город жил сегодняшним днем, и никто не был уверен в том, что произойдет завтра. Многие сомневались в устойчивости Временного правительства, но никто не мог предположить, что именно произойдет. Улицы были наполнены демонстрантами с прямо противоположными взглядами; нередко происходили стычки и столкновения, влекшие за собой человеческие жертвы. Ночная же жизнь города практически не претерпела изменений. Были открыты театры и кабаре; в «Европе» знаменитый нью-йоркский бармен из «Уолдерф-Астории» Джимми продолжал удивлять посетителей чудесами своей кулинарной фантазии. Балетный сезон был в полном разгаре; многие специально приходили, чтобы насладиться выступлениями Карсавиной, а в опере Шаляпин, казалось, пел как никогда. Было ощущение, что в городе нет проблем с продовольствием, хотя из провинции приходили сообщения, что в ряде мест случаются перебои и нехватка продуктов питания. Вся атмосфера была буквально пропитана странным ощущением какой-то нереальности происходящего.

Что касается политики, то все ждали внешнеполитического заявления премьер-министра, в котором он должен был отмежеваться от империалистических взглядов Милюкова, призывавшего к захвату Константинополя, и дезавуировать их. Люди надеялись, что в этом заявлении раз и навсегда будет сформулирован отказ от территориальных захватов, что откроет путь к переговорам о мире, которого все так страстно ждали. Жителей России мало интересовало в то время, что стремление к миру практически невозможно совместить с верностью союзническим обязательствам. Больше всего на свете они хотели мира и считали, что главная задача и обязанность Временного правительства состоит в том, чтобы этот мир людям дать.

Обещанное заявление было сделано 13 апреля 1917 г.; из него видно, сколь отчаянно Временное правительство пыталось сделать невозможное и соединить несоединимое. В этом заявлении отмечалось, что жизненные интересы страны требуют «защиты всеми силами и способами нашего наследия, а также свободы и независимости нашей страны... Оставляя окончательное решение всех вопросов, связанных с войной и ее прекращением, за народным волеизъявлением в тесном единстве с нашими союзниками, Временное правительство считает своим долгом и обязанностью заявить, что цель России состоит не в установлении господства над другими народами, не в присваивании их национального достоинства, не в насильственном присоединении чужих территорий, а в установлении прочного и долгосрочного мира на основе уважения самоопределения народов. Народ России не стремится к усилению своих позиций за рубежом за счет других народов... Именно эти принципы и составят основу внешней политики Временного правительства, которое будет неуклонно руководствоваться в своей деятельности волей народа и защищать права и интересы нашего отечества, твердо выполняя при этом все обязательства, взятые перед нашими союзниками».

Это заявление, тон которого резко отличался от ноты Милюкова от 4 марта, было явной победой Петроградского Совета, поскольку оно находилось в полном соответствии с провозглашенными им принципами внешней политики. Все восприняли это заявление как знак того, что Временное правительство вскоре обратится к правительствам стран-союзниц с просьбой пересмотреть свои цели в текущей войне, что стало бы прелюдией к скорейшему началу переговоров о всеобщем мире.

Передавая 17 апреля заявление Временного правительства в российские дипломатические представительства в странах-союзницах, Милюков совершил непоправимую ошибку. В сопроводительном письме, направленном каждому дипломату, Милюков подчеркивал, что заявление Временного правительства предназначено исключительно для внутреннего пользования и сделано для того, чтобы успокоить Совет; цель Милюкова состояла в том, чтобы развеять опасения союзников, которые резко усилились после известного заявления Совета от 14 марта 1917 г. «Заявление Временного правительства, – писал он, – пропитанное свободным духом свободной демократии, не дает ни малейшего основания полагать, что низвержение старого режима привело к какому-либо ослаблению усилий со стороны России в той общей борьбе, которую ведут все союзные государства. Наоборот, в нем ясно и рельефно выражена общенациональная решимость довести войну до победного конца, вытекающая из осознания высочайшей ответственности как всеми нами вместе, так и каждым в отдельности».

Подобное «разъяснение» вызвало взрыв негодования и яростной критики в отношении как министра иностранных дел, так и военного министра А. Гучкова, которого подозревали в «империалистических поползновениях». Улицы захлестнули мощные демонстрации, имели место столкновения с войсками и полицией. Вся накопившаяся к началу революции классовая ненависть вырвалась наружу, и Ленин с неослабевающим упорством использовал эти настроения, направляя их в нужное русло. Ежедневно, практически ежечасно он обращался с речью к толпам народа, собиравшегося около особняка Кшесинской, расположенного напротив Троицкого моста через Неву, рядом с которым находилось английское посольство. Говорил он спокойно и уверенно, не размахивая руками и не впадая в истерику, как Керенский; руки он держал в карманах темно-синего двубортного пиджака. Он четко знал, чего хочет, и люди, слушая его, ясно понимали, что надо делать. Ленин задавал собравшимся лишь один вопрос: «Что дает вам война?» – и сам же давал на него ответ, который всем был хорошо известен: «Раны, страдания, голод и смерть». «И что же, – спрашивал он с некоторым вызовом, – вы, кто остался жив, вернетесь теперь на фабрики и землю и будете снова работать на капиталистов?» – «Нет! – раздавался в ответ многотысячный рев. – Мы вернемся и возьмем земли и фабрики в свои руки. Долой буржуев!»

Внутри Совета Ленин добился того, чтобы большевистская фракция стала на его точку зрения; он использовал представившийся случай, чтобы на примере «двурушничества» Милюкова продемонстрировать невозможность сотрудничества с буржуазией и Временным правительством, представлявшим ее интересы. В этом его поддержали и меньшевики, однако Совет в целом был еще не готов пойти на окончательный разрыв. Большинство Совета пугала беспощадная жесткость и бескомпромиссность ленинской позиции.

Временное правительство отступило перед надвигающейся бурей. Вечером 20 апреля оно направило в Совет «разъяснение» ноты Милюкова, пытаясь представить ее как соответствующую Манифесту, с которым Совет выступил 13 марта. В разъяснении подчеркивалось, что «цель России не в том, чтобы установить контроль над другими странами или силой захватить территории, принадлежащие другим странам; стоящая перед страной задача заключается в том, чтобы установить длительный и устойчивый мир на основе признания права народов самим решать собственную судьбу». Совет принял это объяснение и поздним вечером того же дня после бурного и острого обсуждения выразил доверие Временному правительству большинством всего в 35 голосов при 2500 голосовавших.

С учетом этого 30 апреля подал в отставку Милюков, а 3 мая – Гучков. В этот же день, 3 мая, в Петроград из Америки возвратился Л. Троцкий.

Та роль, которую сыграл Петроградский Совет в истории с нотой Милюкова, ясно показала, насколько удивительно быстро и сильно выросло его влияние в ущерб позиции Временного правительства. Перед князем Львовым, который должен был произвести пере-

становки в составе и структуре правительства, стоял выбор: либо прислушаться к рекомендациям военных кругов и разогнать Совет, применив силу, либо идти на сотрудничество с ним. Львов выбрал сотрудничество и вступил в переговоры о создании коалиционного правительства. Ленин и большевики резко выступили против участия во Временном правительстве; Троцкий, хотя он в тот момент не вступил еще в партию, поддержал большевиков в этом вопросе, как и в ряде других, и использовал представившуюся ему возможность для своего первого публичного выступления с момента возвращения в Петроград. Он высказался за то, чтобы вся власть была передана в руки революционного народа, и впервые озвучил лозунг, с которым позднее большевики пришли к власти: «Вся власть Советам!»

Однако 4 мая 1917 г. Совет дал согласие на участие представителей социалистических партий в правительстве, и под председательством князя Львова было сформировано новое правительство, в которое вошли видные социалисты – среди них члены Совета В. Чернов, И. Церетели и М. Скобелев, – а также девять либералов и радикалов. Керенский получил пост военного министра, а Терещенко сменил Милюкова на посту министра иностранных дел.

В принятой правительством в этот же день министерской (учредительной) декларации было объявлено, что «в духе полного единства и гармонии с волей всего народа» правительство отвергает идею заключения сепаратного мира и ставит своей целью «скорейшее достижение всеобщего мира» на основе отказа от аннексий и захватнической политики, а также уважения права на самоопределение.

Сделав, таким образом, попытку учесть интересы всех заинтересованных сторон в вопросе о мире, составители декларации также подчеркнули, что решение вопроса о передаче земли крестьянам – а этот вопрос был одним из основных в публичных выступлениях Ленина – должно быть принято Учредительным собранием, для «скорейшего» созыва которого правительство приложит все усилия. Затяжка и откладывание реализации последнего пункта со стороны правительства дало Ленину возможность использовать это в качестве важного оружия в своем арсенале, и он, без тени сомнения, активно ее использовал.

За три дня до этого, 1 мая, Петроградский Совет принял воззвание «К социалистам всех стран», которое являлось продолжением первоначального воззвания Совета от 13 марта. В воззвании было высказано отрицательное отношение к заключению сепаратного мира, поскольку такой мир «развязал бы руки австро-германскому союзу», и содержался призыв к социалистам всего мира заставить свои правительства принять «платформу мирных переговоров и заключения мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение». Этот призыв был обращен и к социалистам из стран, входивших в блок Центральных держав, и для координации их усилий с борьбой социалистов в странах Антанты Совет предложил организовать в ближайшее время международную конференцию социалистических партий.

Это воззвание привело к тому, что министерское (учредительное) заявление нового правительства было встречено в странах – союзниках России крайне отрицательно, и можно сказать, что содержащиеся в нем попытки не испортить отношения с союзниками закончились провалом. Представители правительств Англии и Франции не стали делать различия между правительством и Советом и, став жертвой собственной пропаганды, объявили о недоверии и тем и другим. Игнорируя информацию собственных посольств в России и будучи во власти почти навязчивой идеи, что влияние Германии в России растет чуть ли не с каждым часом, Англия и Франция предпочли увидеть в упомянутом заявлении злой умысел против себя в пользу Германии. Выступая 16 мая в английской палате общин, Бонар Лоу заявил: «Формулировки этих документов представляют собой двусмысленности и коварно и изощренно расставленные ловушки, разработанные не в Петрограде, а за рубежом, причем очень хорошо известно, где именно».

Правительства союзников упорно отказывались признавать, что Россия фактически вышла из войны, и просто игнорировали всё растущие сообщения, подтверждающие этот факт. К миру активно призывала как большевистская, так и меньшевистская пресса.

«Страстное желание мира, мира постоянного и долгосрочного, заключенного на любых условиях, пусть даже ценой уступок части территории, постоянно растет – всё свидетельствует об этом, – писал военный корреспондент «Рабочей газеты» – ежедневного ведущего органа меньшевиков. – Солдаты отчаянно и страстно мечтают об этом и желают этого, хотя пока об этом не говорится открыто на митингах и в принимаемых резолюциях, хотя вся наиболее просвещенная часть армии борется с этими настроениями, пытаясь не дать им распространиться, а тем более оформиться в организованное движение».

Единственное, что могло бы остановить процесс деморализации армии, – это информирование солдат о реальных шагах Временного правительства, направленных на прекращение военных действий и скорейшее заключение мира. Однако Временное правительство подобных шагов не предпринимало, да и не могло предпринимать, пока было связано обязательствами трехстороннего соглашения, подписанного Англией, Францией и Россией 23 августа 1914 г., согласно которому никто из них не мог вступать в сепаратные мирные переговоры со странами Центрального блока. У Временного правительства не хватило мужества посмотреть правде в глаза и обратиться с просьбой к союзникам освободить Россию от обязательств продолжать войну любой ценой и не пытаться из нее выйти, которые страна все равно была не в состоянии выполнить. Вместо этого Временное правительство неуклюже маневрировало, шарахаясь из стороны в сторону, от одного провала к другому, в отчаянных и тщетных попытках спасти лицо. Так, 2 июня 1917 г. министр иностранных дел М. Терещенко предложил провести конференцию стран-союзниц «для пересмотра соглашений о конечных целях войны», однако при этом он специально подчеркнул, что «соглашение от 23 августа 1914 г. не подлежит обсуждению на этой конференции»; на следующий день Дума приняла резолюцию, поддерживающую проведение наступления на фронте в точном и строгом соответствии с решениями, принятыми по этому вопросу на межсоюзнической встрече по военным вопросам, прошедшей в январе 1917 г. Предложение Терещенко было встречено в Лондоне и Париже без всякого энтузиазма; было лишь отмечено, что от России ждут запланированного наступления и что оно должно быть осуществлено как можно скорее. Временное правительство, таким образом, получило очередной удар по своему престижу, правда, этот удар был им самим и вызван.

Вероятно, наиболее мудрая и разумная линия как со стороны Временного правительства, так и со стороны союзников должна была состоять в том, чтобы освободить Россию от взятых ею на себя ранее обязательств; именно такой подход был предложен сэром Дж. Бьюкененом, английским послом в России, сразу после Октябрьской революции 1917 г. Ведь фактически Россия и так в войне уже не участвовала, а июньское наступление не только не помогло союзникам и не упрочило их позиции в военном отношении, но, наоборот, дало возможность Германии организовать мощное контрнаступление. Заключение в то время мира с Германией и скорейший созыв Учредительного собрания лишили бы Ленина важнейших козырей и помогли бы восстановить доверие жителей страны к Временному правительству. Однако на глазах всего мира Временное правительство продолжало проводить самоубийственную политику.

Большевики резко выступали против планируемого нового наступления, и Керенскому, пытавшемуся осуществить реорганизацию армии, пришлось столкнуться с хорошо организованной пропагандой в воинских частях практически по всему фронту. Он использовал все свое пылкое и высокопарное красноречие, чтобы противостоять ей. Со слезами на глазах он отчаянно взывал к солдатам, умоляя их доверять ему и воевать ради защиты демократии. Именно в ходе кампании по реорганизации армии Ленин и Керенский первый и един-

ственный раз за свою политическую карьеру встретились очно. На I Всероссийском съезде Советов они выступали перед аудиторией с одной и той же трибуны, и Керенский обвинил Ленина в стремлении заключить сепаратный мир с Германией. Ленин с негодованием отверг это обвинение. «Это ложь! – крикнул он в ответ. – Долой сепаратный мир! Мы, русские революционеры, никогда за него не выступали. Для нас переговоры о сепаратном мире означают вступление в сговор с германскими разбойниками и грабителями, которые являются такими же хищниками, как и капиталисты других стран. А вот Временное правительство, вступив в сделку с русскими капиталистами, как раз и заключило с ними сепаратный мир»⁴⁴.

По мнению Ленина, единственная возможность прекратить войну и обеспечить надежный и долгосрочный мир состояла в том, чтобы пролетариат взял в свои руки власть во всех воюющих странах.

В соответствии с планом наступление началось 18 июня 1917 г.

Русские войска сражались с традиционным мужеством, несмотря на огромную усталость от войны и нехватку снаряжения и боеприпасов. Трудно найти другое более трагическое событие во времена Первой мировой войны, чем это наступление русской армии, осуществляемое солдатами, единственным желанием которых было заключение мира и возвращение домой и которые шли в бой, порой имея одну винтовку на шесть – восемь человек. Однако, благодаря лишь наступательному порыву и доблести, им удалось в течение первых суток довольно существенно продвинуться вперед и захватить в плен 36 000 солдат противника.

Однако ряд частей отказался идти в наступление; солдаты бросали оружие на землю и стояли, мрачно потупив взгляд, со скрещенными на груди руками, игнорируя приказы офицеров идти в бой. Не помогали ни угрозы, ни уговоры; наконец, офицеры, махнув рукой и плюнув на неповинующихся солдат, шли в бой одни. Разложение армии началось.

Наступление русских нисколько не смутило германское Верховное командование и не стало для него неожиданностью. Когда же 5 июля началось контрнаступление немецких войск, сразу обнаружилось, как низок боевой дух русской армии. Большевистские агитаторы действовали практически в каждой части, и их работа давала ощутимый результат; многие полки восставали, убивали офицеров, а потом в растерянности останавливались, не зная, что делать дальше. Фронт был парализован. Германское контрнаступление довершило работу по разложению армии, начатую большевистской агитацией. Последствия были ужасны. И так уже разлагавшуюся армию охватила паника. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Отступление парализовало даже те немногие части, которые готовы были защищать свои позиции. Армия буквально таяла на глазах командиров. Как сказал впоследствии Ленин, «армия проголосовала за мир ногами».

В середине июля был взят Тарнополь, а 19 августа немецкие войска форсировали Двину и на следующий день взяли Ригу. Только из-за нарушенной транспортной системы немецкое контрнаступление не смогло развиваться более стремительно, и к началу октября 1917 г., после того как германской армией были захвачены расположенные в Рижском заливе острова Моон, Даго и Эзел, ситуация на Восточном фронте стабилизировалась.

В Петрограде на Временное правительство обрушивались одна катастрофическая неудача за другой. 3 июля 1917 г., когда наступление захлебнулось и не выполнило постав-

⁴⁴ Согласно немецким военным источникам, Временное правительство, для того чтобы скрыть военную слабость России и отвлечь внимание от своей подготовки к наступлению на фронте, предприняло в конце весны – начале лета «мирное наступление». В Стокгольме состоялись контакты между российскими представителями и М. Эрцбергером, который отнесся к ним очень серьезно и 29 мая сообщил Людендорфу, что, по его мнению, настал удачный момент для заключения перемирия. И министерству иностранных дел, и Генеральному штабу были даны указания быть готовыми к началу официальных переговоров, однако после того, как подготовка к июньскому наступлению была завершена, эти «пробные шары» были спешно «возвращены назад» и контакты прекратились. (Примеч. авт.)

ленных перед ним целей, а члены партии кадетов, включая премьер-министра Г. Львова, подали в отставку в связи с вопросом о признании украинской автономии, большевики предприняли первую попытку государственного переворота, которая оказалась неудачной, поскольку не была должным образом организована и подготовлена. Она стихийно выросла из массовой манифестации недовольных солдат пулеметного полка в Петрограде. Ленина не было в городе, он восстанавливался за городом после небольшого заболевания, и его наиболее нетерпеливые соратники сочли, что в условиях правительственного кризиса, открывавшегося I Всероссийского съезда Советов и революционных выступлений в войсках имеется благоприятное стечение факторов для захвата власти.

После ожесточенных перестрелок на улицах, продолжавшихся в течение двух дней, силы Временного правительства взяли верх, причем не столько благодаря эффективности своих действий, сколько из-за неподготовленности большевиков к вооруженному выступлению. Те репрессивные меры, которые за этим последовали, показали неуверенность и нерешительность Временного правительства, которое, с одной стороны, хотело подавить и уничтожить своих врагов, а с другой – не было уверено в своих возможностях это сделать. Эти действия явно и весьма контрастно отличались от тех безжалостных, но эффективных шагов, которые предпринял Носке⁴⁵ против спартаковцев в Берлине в 1918 и 1919 гг. Большевистские газеты были закрыты; Л. Троцкий, Н. Крупская, А. Коллонтай и другие были арестованы и приговорены к смертной казни; позднее приговоры были смягчены и их, в конце концов, освободили. Ленину пришлось скрываться; в течение трех месяцев вместе с Зиновьевым он находился в Финляндии под видом машиниста. С товарищами по партии он поддерживал связь при помощи тайной переписки.

Керенский после того, как ему удалось на время избавиться от угрозы со стороны большевиков, сконцентрировал усилия на реорганизации правительства. 8 июля ему удалось сформировать кабинет с участием представителей всех партий, за исключением крайне правых и крайне левых: монархистов и большевиков. Генерал Л. Корнилов⁴⁶ сменил А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего, и ему было поручено остановить наступление немцев. Сам Керенский 18 июля в обращении к союзникам высокопарно обещал, что Россия приложит все силы для того, чтобы успешно продолжить войну. Однако в этом заявлении просматривались первые нотки того безнадежного фатализма, который становился все более характерен для части социалистических партий, в частности эсеров. Керенский, занявший к этому времени пост премьер-министра, очень хорошо понимал, что единственный его шанс на успех заключался в том, чтобы союзники сами предприняли шаги к немедленному заключению мира и чтобы было безотлагательно созвано Учредительное собрание; при этом он также понимал невозможность и того и другого.

Отношение союзников к Временному правительству очень сильно изменилось в сравнении с той полной радужных надежд благожелательностью, которая была характерна сразу после Февральской революции. Их посольства в Петрограде слали сообщения, полные уныния и подавленности, в которых в мрачных тонах обрисовывалась обстановка неуверенно-

⁴⁵ Г. Носке (1868–1946) – один из оппортунистических лидеров германской социал-демократической партии. В 1918 г., во время Ноябрьской революции в Германии, был одним из руководителей подавления революционного движения матросов в Киле. В 1919–1920 гг. был военным министром; организатор расправы с рабочими Берлина и убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, за что получил прозвище «кровавой собаки».

⁴⁶ Корнилов Л.Г. (1878–1918) – генерал, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей контрреволюции. С 19 июля по 27 августа – Верховный главнокомандующий русской армии. 25 августа предъявил ультиматум Временному правительству и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. После ликвидации 31 августа этого мятежа был арестован Временным правительством и вместе с другими военными руководителями мятежа заключен в тюрьму в городе Быкове. 19 ноября 1917 г. по распоряжению генерала Н.Н. Духонина освобожден и бежал на Дон. С 25 января 1917 г. – командующий Добровольческой армией. 31 марта 1918 г. во время «Ледяного похода» (другое название – 1-й Кубанский поход) был убит взрывом артиллерийского снаряда в ходе боя с частями Красной армии под Екатеринодаром (ныне Краснодар).

сти и замешательства вокруг Временного правительства. В результате отношение союзников все более и более менялось в сторону разочарования, которое перемешивалось с раздражением и досадой, граничащей с откровенным возмущением по поводу происходящего. Свою лепту в подобное отношение внесло, в частности, и то, что в министерство иностранных дел Англии были представлены одна за другой три кандидатуры на пост посла России в Англии; все три были одобрены, но ни один из них в Лондоне так и не появился. Это ничего, кроме раздражения, в Лондоне не вызвало, и единственный ответ, которым было удостоено вышеупомянутое заявление Керенского со всеми его заверениями, которое официально пришло в Лондон как раз в момент проходившей там межсоюзнической конференции, представлял собой ноту, в которой выражался «решительный протест в связи с продолжавшимися в России процессами распада и анархии и непринятием мер по их прекращению». Как ни странно, уже после того, как этот протест был передан, российского временного поверенного в делах попросили высказать свои соображения по этому вопросу.

Между тем правительство Керенского продолжало удручающе следовать курсу, который неизбежно должен был привести к катастрофе. В конце лета и осенью 1917 г. кризисы следовали один за другим. После того как 19 августа немцы взяли Ригу, Петроград оказался в радиусе досягаемости военных воздушных шаров – цеппелинов. Фронт практически рухнул. В отчаянии от неспособности Временного правительства справиться с ситуацией как внутри страны, так и на фронте Верховный главнокомандующий генерал Л. Корнилов, «человек на коне», предпринял в последней неделе августа попытку государственного переворота, которая выглядела столь же невероятной и фантастичной, сколь и плохо подготовленной. В своей основе она имела зачатки мощного патриотического движения – Ленин охарактеризовал ее как «серьезный и чрезвычайно опасный удар», – однако ввиду нечеткости, если не явной незрелости по замыслу и неумелости и неэффективности по исполнению, попытка переворота превратилась в опереточное представление, что весьма ярко проявилось, когда казачьи части Корнилова без боя сдались вооруженным рабочим отрядам из Петрограда. Как и во время июньских событий, Керенский и в данной ситуации продемонстрировал неспособность реально оценить обстановку и извлечь политическую выгоду из происходящего. Тогда у него была возможность покончить с большевиками раз и навсегда, но он ею не воспользовался; сейчас, вместо того чтобы попытаться договориться о каком-то союзе или сотрудничестве с человеком, за которым готова была идти значительная часть армии, Керенский открыто выступил против Корнилова, обвинив в мятеже, для подавления которого ему пришлось согласиться на вооружение гражданского населения, чего как раз и требовали большевики. Однако рабочие, раз взяв в руки оружие, не собирались его складывать. С этого момента судьба Временного правительства была решена и его крах стал вопросом ближайших недель.

Несмотря на провал корниловского мятежа, правительство пало и Керенский стал главой директории из пяти человек⁴⁷.

13 сентября в Москве на широкой представительной основе было созвано Демократическое совещание⁴⁸.

Однако правительственная реорганизация не дала никаких результатов. События уже приняли такой ход, что Временное правительство неминуемо катилось к своему краху. Соответственно 19 и 24 сентября Московский и Петроградский Советы перешли под кон-

⁴⁷ Временная директория была образована впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства. Помимо А.Ф. Керенского, в нее вошли министр внутренних дел А.М. Никитин, министр иностранных дел М.И. Терещенко, командующий войсками Московского военного округа (занимал этот пост до сентября 1917 г.; позднее – военный министр) А.И. Верховский и военный министр Д.Н. Вердеревский.

⁴⁸ Речь идет о Всероссийском совещании, созванном меньшевистско-эсеровским ЦИК Советов для решения вопроса о власти. Действительной же целью совещания было отвлечь внимание народных масс от нараставшей революции.

троль большевиков, причем председателем Петроградского Совета стал Троцкий. Между тем Керенский, отчаянно пытаясь найти временную замену так пока и не созванному Учредительному собранию, провозгласил создание Совета Российской республики (известной также как предпарламент), в котором были представлены все классы населения. Этот орган являлся совещательным и не имел законотворческих полномочий. Во время его первого заседания 6 октября 1917 г. большевики покинули его, объявив, что не желают участвовать в «правительстве, предающем интересы народа», и заявив о намерении созвать в последнюю неделю октября Всероссийский съезд Советов, «который возьмет в свои руки всю полноту власти в России».

Именно в такой ситуации было, наконец, объявлено о проведении 26 октября межсоюзнической конференции по вопросам целей войны, которую Керенский и Терещенко так давно ждали и на которую так надеялись. Для совершенно деморализованного Временного правительства это был своего рода полученный в последнюю минуту шанс на какую-то передышку в череде сплошных неудач. Было намерение, чтобы Россию на этой конференции представляли Терещенко и старый генерал Алексеев. Однако Петроградский Совет, стремясь продемонстрировать свою постоянно растущую власть и относиться с недоверием к правительству ввиду его «империалистических целей и поползновений», настоял, чтобы его представитель Скобелев был включен в состав делегации; причем ему был дан ставший знаменитым *наказ* добиваться мира на принципах «без аннексий, без контрибуций и на основе уважения права народов на самоопределение».

Временное правительство было против того, чтобы Скобелев стал членом делегации, а союзнические правительства после появления упомянутого наказа заявили резкий протест против включения Скобелева в состав делегации представителей от России. Венцом же разочарований для России стало заявление, которое сделал Бонар Лоу, отвечая на один из вопросов в английской палате общин. «Насколько мне известно, – заявил он, – на конференции в Париже вообще не будут обсуждаться цели войны; будут обсуждены лишь методы ее ведения».

В это же время военный министр генерал Верховский заявил, что ввиду творящегося в российской армии хаоса единственный выход состоит в том, чтобы оказать давление на союзников, чтобы они выступили с немедленным предложением мира. Это заявление было охарактеризовано большевистской прессой как предложение заключить сепаратный мир за спиной союзников, и министр подвергся острым нападкам. Военный министр был отправлен в отпуск на неопределенное время, и Керенский в последний короткий период своего пребывания у власти стал верховным военным диктатором России.

13 октября Ленин, скрывавшийся после июльских волнений в Финляндии, тайно вернулся в Лесное, под Петроградом. В течение всего времени этой вынужденной ссылки он посылал письма товарищам по партии, поддерживая их, давая указания и советы, непрерывно снабжая их хорошо продуманными аргументами для использования их в борьбе против Временного правительства. В этих письмах гений Ленина-пропагандиста раскрылся как никогда; эти работы являются классическими образцами революционной литературы.

Штаб (Центральный комитет) большевистской партии переехал из дворца примыбалерины в другое место, также, казалось бы, весьма неподходящее – в расположенное на севере Петрограда здание, где ранее располагался Смольный институт благородных девиц. В тех же самых помещениях, где в более счастливые и спокойные времена молодых девушек из знатных семей обучали хорошим манерам и тому, как вести домашний быт, партийные тактики отшлифовывали планы вооруженного восстания, которое, по их мнению, было единственной возможностью спасти революцию от буржуазного влияния Керенского и окружавших его доктринеров и попыток буржуазии использовать революционный настрой масс в своих целях.

Первые встречи с товарищами по партии, состоявшиеся 9 и 15 октября, Ленин провел в Лесном, поскольку возвращаться в столицу было еще опасно. Во время этих встреч, на которых присутствовали Троцкий, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Каменев, Дзержинский, Коллонтай, Сокольников и еще три человека, Ленин подчеркивал, что пора пожинать плоды пропаганды и агитации, которые тщательно высевались большевистскими агитаторами со времени июльских волнений. Сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы большевики взяли власть. Никакого промедления и оттяжки не должно быть. Сейчас или никогда.

Все присутствующие с этим согласились, за исключением Каменева и Зиновьева. Последние считали вооруженное выступление крайне рискованным и авантюрным; не было, по их мнению, никаких оснований быть уверенными в его успехе. Они предпочитали подождать, пока программа, предложенная большевиками, как и аргументы, разоблачающие меньшевиков и эсеров, станут известными широким слоям населения. Каменев и Зиновьев опасались повторения июльской ситуации и успеха контрреволюционных сил, в частности своего рода нового корниловского мятежа, на этот раз успешного.

Не сумев убедить членов ЦК, Каменев и Зиновьев заявили 15 октября о выходе из Центрального комитета и предприняли крайне резкий шаг, подвергнув критике политику Ленина и его призыв к вооруженному восстанию в непартийной газете «Новая жизнь» (в номере от 17 октября). За разглашение партийной тайны Ленин клеймил эту «парочку» как «предателей», подверг их взгляды уничтожающей критике и потребовал исключения их из партии. Поскольку эта угроза осталась невыполненной, Каменев и Зиновьев продолжали выступать против вооруженного восстания вплоть до самой Октябрьской революции, правда, больше они не выносили свои взгляды за пределы партии.

Между тем Временное правительство продолжало заниматься подготовкой к предстоящей межсоюзнической конференции, хотя и заявляло о том, что ему известны планы большевиков. В Совете республики Терещенко потребовал, чтобы данный Скобелеву *наказ* был отозван. Он заявил:

«Мы объединены с союзниками в такую комбинацию сил, которая отвечает интересам России. Поэтому крайне важно, чтобы наши взгляды по вопросам войны и мира находились в ясном и, максимально возможно, точном соответствии со взглядами наших союзников. Во избежание каких-либо недоразумений и недопонимания я хочу ясно и откровенно заявить, что на парижской конференции у России должна быть *единая точка зрения*».

Однако в то время как Совет республики скрупулезно занимался формулировками в документах, основы властной структуры Временного правительства уже начали рушиться. Об этом говорило образование 15 октября Петроградским Советом Военно-революционного комитета. На следующий день пала одна из основ, на которой держалась шаткая конструкция управления, головная часть которой находилась в Мариинском дворце. Части петроградского гарнизона единогласно приняли следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временное правительство. Нашим правительством является Петроградский Совет. Мы будем выполнять приказы только Петроградского Совета, передаваемые через Военно-революционный комитет».

Третья встреча членов ЦК состоялась в Лесном 19 октября. Ленин, который выступал за то, чтобы действовать без промедления, по-прежнему сталкивался с возражениями со стороны тех, кто хотя в принципе и выступал за вооруженное восстание, но при этом сомневался, наступил ли для этого подходящий момент. Планы восстания обсуждались на встрече 19 октября, однако и на этой встрече Ленину не удалось добиться принятия решения о точной дате выступления. Второй съезд Советов должен был открыться 25 октября, и Ленин был убежден, что вооруженное выступление необходимо осуществить до его открытия и принятия каких-то решений, в том числе и организационного характера; власть следовало брать силой, чтобы не зависеть от результатов голосования. Вечером 24 октября

он написал последнее письмо в ЦК по этому вопросу, призывая к немедленному выступлению. «Яснее ясного, что теперь, – писал он, – уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра. Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой. . . Промедление в выступлении смерти подобно!»

Позднее, вечером того же дня переодетый Ленин пришел в Смольный, чтобы лично возглавить подготовку к восстанию. Его присутствие, хоть и скрытое, ликвидировало последние остатки сомнений и колебаний, и 25 октября уже шатающемуся Временному правительству был нанесен смертельный удар.

Режим Керенского пал так же бесславно и невразумительно-безропотно, как и существовал. Красногвардейцы рассчитывали встретить серьезное сопротивление, но Временное правительство просто растаяло, как снег, и само прекратило существование. Керенский утром 25 октября покинул Петроград, намереваясь вернуться с верными Временному правительству воинскими частями. Он их не нашел и в Петроград больше никогда не вернулся. Несколькими часами позже оставшиеся члены Временного правительства, преданные своей охраной, были арестованы во время своего последнего заседания в Мариинском дворце. Их последними защитниками были подавленные и растерянные старые слуги, обслуживающие дворец, горстка юнкеров да несколько женщин из женского батальона, не способных оказать какого-либо сопротивления.

Глава 3 Декрет о мире

1

Именно вопрос о мире стал главным испытанием для большевиков. Этот вопрос был главным в их борьбе против Временного правительства, и таковым он и остался в практической повестке дня победившей Советской власти. Народные массы в подавляющем большинстве страстно жаждали мира. Вопрос о мире рассматривался с точки зрения интересов революции как в России, так и за рубежом, и переговоры о его достижении должны были осуществляться в контексте новой революционной политики. Прежде всего, было необходимо отказаться от политики Временного правительства, пытавшегося оказать воздействие на союзников по дипломатическим каналам. Эта политика провалилась, причем совершенно бесславно и позорно. Обстановка требовала немедленных и энергичных действий по заключению всеобщего мира между всеми воюющими странами.

Заключение сепаратного мира с Германией никогда не входило в программу большевиков. Сепаратный мир, наоборот, совершенно противоречил этой программе, которая предусматривала заключение общеевропейского мира на основе победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата во всех воюющих европейских странах. Партия в то же время выступала за немедленное предложение мира на основе воззвания Петроградского Совета от 14 марта 1917 г.

Именно вопрос о мире больше всего занимал Ленина в период между неудавшимся июльским выступлением и успешно осуществленным в октябре 1917 г. государственным переворотом, когда ему приходилось работать скрываясь и находясь на нелегальном положении.

В письмах, содержащих советы и указания товарищам по партии, написанных и отправленных из мест, где ему приходилось скрываться, Ленин подчеркивал важность вопроса о мире и необходимость добиваться его заключения. «В войне против немцев, – писал он в августе 1917 г., – именно теперь нужно *дело: тотчас и безусловно* предложить мир на *точных* условиях. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную.»

Вновь возвращаясь к этому вопросу, Ленин писал, что, «если большевики возьмут власть, они могут выступить перед народом с предложением о немедленном заключении мира». Наконец, в опубликованной в середине сентября 1917 г. статье «Задачи революции» он указывал:

«Советское правительство должно немедленно предложить *всем* воюющим народам (т. е. одновременно и правительствам, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца). Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны растет всюду.»

Именно на этой основе – представлявшей собой ошибочное понимание психологии западноевропейцев – и были предприняты первые внешнеполитические шаги советского правительства. При этом исходили из того, что достаточно выдвинуть предложение, осно-

ванное на принципах заключения всеобщего мира, как народы воюющих стран заставят свои правительства вступить в мирные переговоры. Этот подход, которого, как было совершенно очевидно, придерживались с самого начала, становился все более откровенным и выразительным по мере приближения мирных переговоров в Брест-Литовске.

Вдохновляемый воспоминаниями о произошедшем в июле 1917 г. мятеже военных моряков в Киле, Ленин позволил себе сделать заключение, что пролетарская революция в Германии уже буквально «за углом», – эта ошибочная оценка впоследствии обошлась России весьма дорого. «Как только большевики придут к власти, – заявлял он, – германский пролетариат заставит кайзера начать переговоры о мире».

Теоретические взгляды Ленина были очень быстро реализованы на практике. 26 октября в 6 часов 15 минут в Смольном была получена телеграмма с Северного фронта, в которой выражалась поддержка новому режиму и которая могла рассматриваться как одобрение и признание произошедшего переворота⁴⁹.

Началось настоящее «столпотворение вавилонское»: люди плакали и обнимались. Об усталости и напряжении предыдущих 12 часов в эти минуты радости и восторга совершенно забыли. Однако эта «радостная передышка» была недолгой. Смольный был буквально окутан атмосферой растущей напряженности. Да, большевики взяли власть; да, Петроградский Совет сверг Временное правительство и гарнизон праздновал победу новой революции, однако Съезд Советов к тому времени еще не открылся, Ленин еще не выступил перед ним и установление пролетарской диктатуры не было еще съездом узаконено. А как отнесутся к этому по всей России? А во всем мире?

В течение всего 26 октября Ленин вел яростную борьбу по преодолению колебаний своих товарищей по партии, которые, как, например, Каменев, напуганные самим масштабом свершившегося успеха, выступали за то, чтобы разделить власть с меньшевиками и эсерами и таким образом расширить базу поддержки революции. Обращаясь к колеблющимся, Ленин сказал, что он готов сотрудничать с любым, кто поддержит программу большевиков. «Мы не отступим ни на йоту», – заявил он.

Его неперклонность принесла свои плоды. К вечеру пришло сообщение, что эсеры не покинут Петроградский Совет и будут продолжать сотрудничать с Военно-революционным комитетом.

«Видите, – сказал Ленин, – они идут за нами».

Теперь все внимание было приковано к Съезду Советов, который с часа дня ждал выступления Ленина с докладом о произошедшем перевороте. Появились сообщения, что он сформулирует предложения о мире прямо перед делегатами съезда. Напряжение достигло высочайшего уровня; вся атмосфера в зале была пронизана надеждами и предположениями.

Было уже почти девять вечера, когда в зале, где проходил съезд, появились лидеры большевиков – шатающиеся от усталости, не спавшие и не евшие, с серыми и вытянутыми от напряжения и усталости лицами, но ликующие и торжествующие. То, что происходило, казалось какой-то фантазией: успех произошедшего переворота был еще не подтвержден и не гарантирован, а собравшиеся начали обсуждать вопрос о заключении всеобщего мира.

Вот как описывает эти события Джон Рид, бывший их очевидцем, в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир»:

«Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина – великого Ленина среди них. Невысокая, коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпук-

⁴⁹ Делегатам II съезда Советов было сообщено о взятии Зимнего и аресте Временного правительства 26 октября в 3 часа 10 минут, когда возобновилось первое заседание съезда; это сообщение было встречено бурей аплодисментов. Выступивший Н.В. Крыленко доложил об образовании на Северном фронте Военно-революционного комитета, который примет меры к тому, чтобы воспрепятствовать движению воинских эшелонов на подавление революции в Петрограде.

лым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный благородный рот, массивный подборок, чисто выбритый, но уже с прорастающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, немного не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

...Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за край трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: «Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!» Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира. Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения. Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»

Ленин говорил, широко открывая рот и словно улыбаясь; голос его был с хрипотцой – не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям – и звучал так ровно, что казалось, он мог бы звучать без конца. Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикующости. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания».

Декрет о мире, представлявший собой довольно длинный документ, предлагал немедленно начать переговоры о заключении «справедливого и демократического мира» без аннексий и без контрибуций. В нем провозглашался отказ от тайной дипломатии и намерение опубликовать все секретные договоры, заключенные царским режимом. Декрет предлагал немедленно заключить перемирие на всех фронтах сроком на три месяца для облегчения начала мирных переговоров.

Когда буря оваций стихла, Ленин заговорил снова. Он предложил съезду немедленно утвердить Декрет о мире, оставляя уже Учредительному собранию возможность окончательно утвердить мирный договор, который мог бы быть заключен на основе этого декрета. Однако он не хотел, чтобы у собравшихся оставались какие-то иллюзии о легкости заключения мира:

«Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом. Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполнит чашу, и в Германии разразится революция. Мы готовы рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их».

В течение часа выступавшие представители от разных фракций, в большей или меньшей степени, в целом одобрили Декрет о мире. Наконец, Каменев поставил вопрос на общее голосование. Кто за? Лес рук взметнулся вверх в едином порыве. Против? Один из делегатов

попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял всех на ноги, и общее единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок; один молодой рабочий с покрытым потом, сияющим от счастья лицом, радостно улыбаясь, говорил: «Конец войне! Конец войне!»

Так в Россию пришел мир⁵⁰.

Однако ситуация недолго оставалась идиллической. Хотя революция и свершилась, она еще не утвердилась, и большевикам было необходимо преодолеть как вооруженное, так и пассивное сопротивление, прежде чем действительно овладеть ситуацией в стране.

Когда утром 28 октября нарком по иностранным делам Троцкий пришел принимать дела в министерство иностранных дел и дал указание перевести Декрет о мире на иностранные языки, 600 служащих министерства написали прошения об отставке и покинули здание МИД. Его коллега Урицкий, потребовавший в архивном управлении министерства тексты тайных договоров для их опубликования, был буквально выдворен из управления; из административно-технического персонала лишь один сотрудник экономического управления остался на месте работы⁵¹.

Служащие Госбанка отказались выдавать деньги новому правительству. Одновременно 29–31 октября произошли мятеж юнкеров и военная авантюра Керенского в Гатчине⁵².

Однако в течение нескольких дней все эти попытки были пресечены и большевики полностью взяли под контроль ситуацию как в Москве, так и в Петрограде. Постепенно государственный механизм, деятельность которого была нарушена в результате переворота, приходил в нормальное русло, и 8 ноября Троцкий разослал ноты послам союзных держав, официально уведомляя их о появлении нового правительства и привлекая их внимание к Декрету о мире. Было подчеркнуто, что нота является «официальным предложением немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров». На следующий день аналогичная нота была направлена дипломатическим представителям нейтральных стран, причем высказывалась просьба «официально донести до сведения враждебных государств» выдвинутые предложения о мире.

Послы и другие представители высшего звена дипкорпуса союзных государств на совещании, состоявшемся 9 ноября 1917 г., решили проигнорировать ноту Троцкого и рекомендовать своим правительствам не отвечать на предложения советского правительства, «поскольку правительство, претендующее считаться законным правительством России, было установлено при помощи силы и не получило признания русского народа». В целом эти рекомендации были выполнены правительствами стран Антанты, которые отказались признать новый режим и те предложения о мире, которые были им выдвинуты. Более

⁵⁰ Упоминаемый автором Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил 25–27 октября 1917 г. в Петрограде. По данным анкетной комиссии, к моменту открытия съезда на нем присутствовали 649 делегатов, из них большевиков – 390, эсеров – 160, меньшевиков – 72, меньшевиков-интернационалистов – 14. В.И. Ленин на первом заседании не присутствовал, так как был занят руководством восстания: в это время велся штурм Зимнего дворца.

⁵¹ Когда Троцкий явился в министерство иностранных дел, чиновники отказались признать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Троцкий потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ (заместитель) министра иностранных дел Нератов скрылся и унес с собой документы; по некоторым сведениям, они оказались в английском посольстве.

⁵² Вспыхнувший в Петрограде мятеж юнкеров уже днем 29 октября был ликвидирован. Что касается Керенского, то он, бежав в машине американского посольства из революционного Петрограда в полдень 25 октября, чудом избежав ареста в Гатчине (под Петроградом), поздно вечером добрался до Пскова, где на следующий день договорился с генералом Красновым двинуть казачьи части на Петроград. Утром 27 октября была захвачена Гатчина, 28 октября части Краснова заняли Царское Село. Но к 31 октября наступавшие части Краснова были разбиты революционными силами, а Керенский, переодевшись матросом, 1 ноября бежал из Гатчины – на этот раз навсегда.

того, союзники пошли еще дальше – не признавая Совет народных комиссаров законным правительством России, они фактически стали считать таковым Ставку русских войск в Могилеве.

В это же время был предпринят явный и определенный шаг в направлении мира – 8 ноября комиссар по военным делам Крыленко⁵³ дал указание о поддержке братания на всех фронтах и поручил генералу Духонину⁵⁴, который был назначен Верховным главнокомандующим после ареста и исчезновения из поля зрения генерала Корнилова, «обратиться к военному командованию вражеских армий с предложением о немедленном прекращении военных действий для открытия переговоров о мире».

Генерал Духонин не дал никакого подтверждения ни о том, что он получил соответствующие указания Совета народных комиссаров, ни о том, что он собирается их выполнять. Когда вечером 9 ноября ему был задан прямой вопрос, будет ли он выполнять то, что ему предписано, он ответил, что может выполнять приказы только «правительства, поддерживаемого армией и страной». После этого ему было немедленно сообщено по телеграфу, что он отстраняется от занимаемой должности; главнокомандующим вместо него назначается Крыленко, а комиссаром по военным делам – Дыбенко⁵⁵.

Ленин направил радиотелеграмму, адресованную всем солдатам и матросам армии и флота, в которой сообщил о причинах и обстоятельствах этой замены и призвал активно участвовать в достижении мира:

«Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда».

Всем полкам предписывалось выбирать полномочных представителей для вступления в переговоры о перемирии с неприятелем, судьба которых теперь передавалась в их руки⁵⁶.

Однако Духонин не покинул Ставку в Могилеве; он также не был немедленно арестован собственными войсками. Вместе со своим штабом и частью офицерского корпуса он не сложил оружия и предпочел ответить ударом на удар. В Ставке были напечатаны листовки и воззвания, которые распространялись не только среди войск, но также были напечатаны в некоторых оппозиционных газетах в Петрограде. Чувствуя уверенность благодаря открытой поддержке союзных военных миссий, а также молчаливой поддержке со стороны дипломатического корпуса тех же стран, Духонин активно обращался за поддержкой к рабочим и крестьянам, призывая их к созданию нового народного правительства, «которое не будет держаться на насилии, крови и штыках. Не теряйте время. Армия ждет, когда вы скажете свое слово».

⁵³ Крыленко Н.В. (1885–1938) – член большевистской партии с 1904 г., видный советский государственный деятель, активный участник Октябрьской революции. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совета народных комиссаров в качестве члена Комитета по военным и морским делам, позднее – Верховный главнокомандующий. С 1918 г. работал в органах советской юстиции.

⁵⁴ Духонин Н.Н. (1876–1917) – генерал царской армии, монархист. В сентябре был назначен Временным правительством начальником штаба Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции объявил себя Верховным главнокомандующим и пытался организовать мятеж против Советской власти. Убит восставшими солдатами.

⁵⁵ Дыбенко П.Е. (1889–1938) – советский военный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1912 г. После Февральской революции 1917 г. был председателем Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта), принимал активное участие в подготовке Балтийского флота к вооруженному восстанию в октябре 1917 г. После окончания Гражданской войны – на командных должностях в Красной армии. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁵⁶ Отвечая на критику по поводу текста этой радиограммы на заседании ВЦИК 10 ноября, которая, как отмечалось, могла быть истолкована как попытка сепаратного перемирия с немцами, Ленин, отвергая подобные обвинения, заявил: «Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договора. И это сделано – борьба за мир только начинается. Эта борьба будет трудной и упорной». (Примеч. авт.)

Правительства союзников оказали Ставке своего рода «отрицательную поддержку», направляя ей протесты против действий новой власти. Они проигнорировали произошедшую революцию, не признали новое правительство, презрительно насмехались над Троцким и посылаемыми им нотами и всячески поносили его, в то же время не отвечая на эти ноты, но они не могли не реагировать на ясный и четкий приказ Совета народных комиссаров прекратить военные действия. Через голову фактического правительства в Петрограде они обратились напрямую к Духонину. В период с 10 по 17 октября в Ставку был передан ряд письменных протестов от военных атташе союзников против нарушения условий соглашения от 23 августа 1914 г.; также было получено сообщение от главы французской военной миссии генерала Бертло, в котором говорилось, что «Франция не признает Совет народных комиссаров законным правительством России», и выражалась уверенность в том, что русское Верховное командование «удержит русскую армию на позициях против общего врага»; наконец, пришла телеграмма от американского военного атташе, в которой выражался «категорический и решительный протест против любой попытки заключения сепаратного перемирия со стороны России».

Во всех сообщениях явно намекалось, что любые подобные действия со стороны России будут иметь для нее самые серьезные последствия, и этот намек был понят таким образом, что союзники готовы обратиться к Японии с просьбой ударить России в тыл. Политика такого рода протестов и завуалированных угроз была неэффективной и неразумной, и можно лишь сожалеть, что союзники придерживались именно этой линии, пагубность которой в то время осознавали лишь немногие из тех дипломатов союзных стран, которые тогда работали в России. Эта политика была ярким свидетельством того, насколько страны Антанты не понимали сути происходящего в России.

Духонин распространил тексты этих письменных протестов среди воинских частей, что вызвало резкую реакцию со стороны Троцкого, который назвал действия союзных военных миссий попыткой «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем». Одновременно он предупредил глав союзных военных миссий при Ставке, что «правительство считает недопустимым вмешательство дипломатических или военных представителей союзных государств во внутренние дела России и провоцирование Гражданской войны».

Вся мощь пропагандистской машины Смольного была брошена на то, чтобы нейтрализовать действия Ставки. К войскам обратились с призывом: «Не подчиняйтесь Духонину! Не обращайте внимания на его провокации и не выполняйте его провокационных распоряжений! Внимательно следите за ним и его контрреволюционным окружением и тщательно их контролируйте!» В пропагандистских материалах также говорилось, что вокруг Ставки в Могилеве собираются группы сторонников Керенского, «выполняющие приказы французских, английских и американских финансистов». В довершение всего подчеркивалось, что Генштаб «несет ответственность за проведение июньского наступления и продолжение войны и затягивание мира».

Именно последний аргумент оказал решающее воздействие на измученную, деморализованную, дезорганизованную и терпящую поражение армию. Реакция была быстрой и страшной. 20 ноября могилевский гарнизон взбунтовался, арестовал Духонина со всем его штабом и держал их под арестом в вагоне специального поезда, где до этого Духонин и располагался.

На следующий день прибыл Крыленко с подкреплением, состоявшим из революционных матросов. Взбунтовавшиеся солдаты, разгоряченные и опьяненные революционной пропагандой, сначала потребовали, чтобы Духонин был разжалован и им были представлены его погоны, а когда это было сделано при содействии Крыленко, толпа на некоторое время разошлась. Однако через полчаса она собралась вновь, явно собираясь совершить

самосуд. Крыленко сделал слабую попытку не пустить солдат внутрь вагона, но был отброшен в сторону. Генерала вытащили из вагона, бросили в толпу и начали избивать. Он упал лицом вниз на платформу, но избиение продолжалось. Наконец, один из матросов дважды выстрелил в него. В толпе раздались крики одобрения⁵⁷.

Между тем Троцкий официально обратился 13 ноября к германскому Верховному командованию с предложением немедленно заключить перемирие с целью достижения в дальнейшем демократического мира без аннексий и контрибуций; дипломатам союзных государств было заявлено, что советское правительство никогда не стремилось к заключению сепаратного мира и по-прежнему надеется, что в мирных переговорах примут участие все воюющие страны. Стремление советского правительства к миру нерушимо; однако если оно будет вынуждено заключить сепаратный мирный договор, то вся ответственность за это ляжет на союзные государства. Спустя два дня (15 ноября) Крыленко выполнил то, что изначально предписывалось его предшественнику, и отдал приказ о «немедленном прекращении огня и начале братания на всех фронтах».

Провал попыток союзных военных миссий удержать русскую армию от провозглашения немедленного перемирия убедил английского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена, что единственная возможность, остающаяся у стран Антанты, состоит в том, чтобы, как говорят французы, *сделать хорошую мину при плохой игре*. Ситуация настолько сложная, если не сказать отчаянная, что союзникам необходимо пересмотреть свою политику в отношении России. Хотя правительства союзников не готовы принять советские предложения в качестве основы для мирных переговоров, им следует признать, по мнению Бьюкенена, что сепаратный мирный договор между Россией и Германией неизбежно будет рано или поздно заключен. Подобный договор сулил несомненные выгоды Германии, которая рассчитывала активно использовать российскую территорию в своих интересах, установив над ней своего рода экономический протекторат, и следовало сделать все возможное, чтобы не допустить последнее ни в коем случае и осложнить германо-российские отношения, даже если между странами и будет заключен официальный мирный договор, ибо союз между Россией и Германией после окончания войны представлял бы собой постоянную серьезную угрозу Европе в целом и в особенности Англии.

В этой связи Бьюкенен предлагал официально освободить Россию от обязательств по соглашению от 23 сентября 1914 года, признавая, с одной стороны, то, что уже являлось свершившимся фактом, а с другой – одновременно пытаясь установить долгосрочные хорошие отношения с Советской Россией. Если вслед за этим последуют сепаратные переговоры о мире между Россией и Германией, то это приведет в любом случае к росту в России антигерманских настроений – Германия станет объектом возмущения и негодования как в случае затягивания мирных переговоров, так и в том случае, если мир будет заключен на обременительных и тягостных для России условиях.

Этот отмеченный выдающимся здравым смыслом совет был направлен в Лондон как раз накануне открытия оказавшейся роковой межсоюзной конференции, которую столь отчаянно ждал Керенский и которая начала работу 16 ноября 1917 г. в Париже. На Ллойд Джорджа⁵⁸ предложения Бьюкенена произвели сильное впечатление, во всяком случае доста-

⁵⁷ Отчет Крыленко об этих событиях был опубликован в номере газеты «Новая жизнь» от 30 ноября 1917 г.; рассказы очевидцев были опубликованы в газете «Русское слово» за 23 ноября 1917 г. Хотя Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» называет Духонина «старым генералом», к моменту убийства ему было всего 41 год. По воспоминаниям доктора Масарика, который находился недалеко от Ставки, занимаясь организацией частей чехословацкого корпуса, Духонин был «молодым и очень энергичным военным». Он также добавил, что тело убитого генерала «подвергалось варварским надругательствам и осквернениям в Могилеве в течение нескольких дней». (Примеч. авт.)

⁵⁸ Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) – английский государственный деятель и дипломат, лидер партии либералов. Играл видную роль в определении политической линии Англии, направленной на подготовку мировой империалистической войны. После Октябрьской революции – один из основателей и организаторов военной интервенции и блокады про-

точное для того, чтобы он официально предложил рассмотреть их на конференции. Он и министр иностранных дел Англии А. Бальфур вполне ясно осознавали опасность российско-германского сближения. В меморандуме английского МИД, направленного на рассмотрение кабинета министров, в частности, говорилось: «Трудно представить более опасную и бедственную политику, чем та, которая толкает русских к тому, чтобы сблизиться с немцами и рассматривать германских официальных лиц и солдат, с которыми они бы в результате этого сближения оказались в общей среде, как своих друзей и освободителей». Американский полковник Хауз⁵⁹ также поддержал точку зрения Бьюкенена, хотя США и не являлись участниками соглашения от 23 августа 1914 г.

Однако представители континентальных держав Антанты выступили против этого предложения. Барон Соннино⁶⁰ подверг яростной критике предложение Бьюкенена, а Клемансо⁶¹ заявил, что, «даже если бы назначенный Керенским посол в Париже г-н Маклаков⁶² при ходатайстве всех небесных сил попросил меня освободить Россию от взятых на себя обязательств, я бы ответил отказом». Однако, когда приглашенный на конференцию Маклаков на нее прибыл и принял участие в обсуждении⁶³, он явно больше склонялся к поддержке точки зрения Клемансо и Соннино, нежели Ллойд Джорджа и Бальфура. Он выступил против точки зрения Бьюкенена и предложил вместо этого принять заявление, в котором говорилось бы, что союзники «будут двигаться в направлении пересмотра целей войны совместно с Россией, как только там появится правительство, осознающее свою ответственность перед страной и защищающее интересы своей страны, а не врага».

В подобной редакции совершенно отсутствовал какой-либо жест доброй воли со стороны союзников в отношении Советской России, на необходимости которого настаивал Бьюкенен. Предложение Маклакова, слегка отредактированное полковником Хаузом, было принято конференцией, и таким образом была упущена последняя возможность создать хоть какую-то основу для сотрудничества с большевиками. Если бы линия Бьюкенена возобладала, то вся последующая история заключения Брест-Литовского мирного договора могла бы быть совершенно иной.

тив Советского государства.

⁵⁹ Полковник разведки американской армии, работавший вместе с президентом В. Вильсоном, считал необходимым проводить взвешенную политику по отношению к Советской России.

⁶⁰ Соннино Джордж Сидней (1847–1924) – итальянский государственный деятель, дипломат, в 1914–1919 годах – министр иностранных дел. В 1917 г. заключил с Англией и Францией договор, предусматривавший захват Италией значительных территорий и установление ее сфер влияния в Малой Азии.

⁶¹ Клемансо Жорж Бенжамен (1841–1929) – политический и государственный деятель Франции, в течение многих лет лидер партии радикалов. Являлся одним из организаторов и вдохновителей вооруженной интервенции против Советской России, стремился осуществить «экономическое окружение» и удушение Советской республики.

⁶² Маклаков В.А. (1870–1957) – помещик, по профессии адвокат, депутат II, III и IV Государственных дум от Москвы, член ЦК партии кадетов. После Февральской революции с июля 1917 г. – посол Временного правительства в Париже, затем – белоэмигрант. В годы Гражданской войны представлял в Париже «правительства» Деникина, Колчака и Юденича.

⁶³ На следующий же день после прибытия на конференцию Маклаков был официально смещен Троцким со своего поста за то, что принял участие в ее работе. (Примеч. авт.)

2

Генерал-майор Макс Гофман сидел и ждал внутри мрачных, холодных и неудобных крепостных сооружений Брест-Литовска. Перед ним лежали черные руины города, выступавшие из-под снежного покрова, а простиравшийся за ними бесконечный белый ландшафт, казалось, сливался с хмурым, серым ноябрьским небом. Город был сожжен при эвакуации из него русских войск в июле 1916 г.; когда же триумвират, представлявший собой самую замечательную из всех возможных комбинацию военных в составе Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана, который сокращенно называли ГЛГ, впервые разместил здесь свою штаб-квартиру, ему пришлось обосноваться в специальном поезде и столкнуться со многими неудобствами⁶⁴.

Солнце безжалостно било в стальную крышу поезда, что делало пребывание в стиснутом пространстве внутри его просто невыносимым. Работать можно было лишь в небольших помещениях, которые были сплошь увешаны штабными картами. Крепость была единственной частью города, уцелевшей от огня; ее быстро оборудовали и привели в место пригодное для проживания и работы, и именно отсюда вышеназванное «трио» вело заключительные «бои» по смещению Фалькенхайна с поста главнокомандующего германской армией и назначению на него Гинденбурга.

Эта цель была достигнута в конце августа 1916 г. и с тех пор, в течение года и трех месяцев, Гофману пришлось работать отдельно от своих партнеров по «великому трио», поскольку именно он фактически возглавлял Восточный фронт, так как номинальный главнокомандующий войсками Восточного фронта фельдмаршал принц Леопольд Баварский был не кем иным, как «свадебным генералом», или попросту подставной фигурой.

Для человека менее выдержанного и обладавшего более слабыми нервами вынужденное напряженное ожидание на Восточном фронте могло оказаться непосильной нагрузкой. Однако у Гофмана, который был «сделан» из стали и китового уса в равной пропорции, не было проблем с нервами (разве он не доказал это под Танненбергом, когда Людендорф просто «сломался» от сильнейшего нервного напряжения?)⁶⁵.

У него был мощный череп, короткая стрижка, и, наверное, самые блестящие и выдающиеся мозги во всем германском Генштабе, а выдержка, спокойствие и умение держать себя в руках всегда были одними из самых сильных сторон Гофмана. Как только в России произошла Февральская революция, Гофман сделал вывод, что теперь его главная задача состоит в том, чтобы Восточный фронт оставался замороженным, что позволило бы перебросить на Западный фронт столько солдат, сколько было необходимо. Это с успехом удалось сделать, в чем, безусловно, помогло нежелание солдат русской армии идти в бой; благодаря этому Гинденбург и Людендорф сумели, ценой больших потерь, сдержать наступление армий Антанты под командованием Хейга и Найвеля на Зигфридстеллунг. Как признался позднее Людендорф, «если бы русские войска предприняли наступление в апреле – мае и добились бы даже минимального успеха, я не знаю, как Генштабу удалось бы спасти ситуацию».

Когда Керенский предпринял наступление в июне 1917 г., Гофман встретил его со спокойной решимостью и добился успеха. Выдержав удар русских армий в начале наступления,

⁶⁴ Речь идет о Пауле Гинденбурге, Эрхе Людендорфе и Максе Гофмане, которые в то время занимали посты соответственно главнокомандующего германской армией, начальника Генерального штаба и начальника штаба Восточного фронта.

⁶⁵ Речь идет о сражении под Танненбергом (это немецкое название носил в то время Грюнвальд) в августе 1914 г. во время Восточно-Прусской операции. Исход сражения висел на волоске, и конечная победа далась немцам с огромным трудом; Гинденбург докладывал, что «противник сражается с невероятным упорством», а Людендорф признавал, что опасения за «дурной исход» операции не покидали его до самого конца.

во время которого они растратили все силы, немцам не составило уже труда нанести мощный контрудар, в результате которого русская армия рассыпалась, словно карточный домик. К началу октября на Восточном фронте опять наступило затишье, и Гофман смог позволить себе спокойно наблюдать за тем, какое воздействие на внутреннее положение в России и всю внутривосточную ситуацию будет оказывать вирус, привнесенный возвращением Ленина в Россию.

В эти ноябрьские дни у Гофмана было мало информации о том, что происходит за линией фронта в глубине России. Падение Керенского и приход к власти большевиков пока не укладывались в какую-то более или менее ясную общую картину. Гофман не знал о том хаосе, который бушевал там, в глубине, за линией русских окопов, в том числе и в столице. Он знал только то, что можно было спокойно перебрасывать войска на Западный фронт, где они были бы должным образом подготовлены и оснащены для выполнения новых задач. Что можно «выжать» из сложившейся ситуации, помимо этого довольно простого и очевидного шага, в располагавшемся в Брест-Литовске штабе главнокомандующего Восточным фронтом не знали.

Ситуация стала для них еще более запутанной и неясной, когда в ставку в Брест-Литовске стали приходить радиogramмы, направленные по беспроволочному телеграфу за подписью какой-то неизвестной личности по фамилии Троцкий, в которых выражалось желание нового советского правительства заключить мир. «В настоящее время у нас нет ясного понимания, что происходит», – записал Гофман в своем дневнике утром 8 ноября; тем не менее он настоятельно рекомендовал федеральному канцлеру объявить о желании Германии вступить в переговоры о мире.

Эта неопределенность сохранялась до 13 ноября. Утром этого дня Гофман сделал в своем дневнике следующую запись: «Я не могу пока с уверенностью сказать, объявят ли они перемирие. У нас нет ясной картины того, что происходит во внутренней жизни России сейчас и что произойдет в ближайшем будущем».

Но к полудню того же дня пришли официальные предложения от Троцкого заключить перемирие, а также радиogramма от Крыленко о прекращении боевых действий по всему фронту. Наконец, появилась какая-то ясность и произошло что-то определенное; Гофман доложил об этом по телефону в Крейцнах Людендорфу.

«Можно вести переговоры с этими людьми?» – спросил Людендорф.

«Да, можно, – ответил Гофман. – Вашему превосходительству нужны войска, а это самый простой способ их получить».

То, что Четверной союз должен получить выгоду от сепаратного мира с Россией и попытается это сделать, было очевидным. Положение во всех четырех странах с военной, экономической и политической точки зрения никак нельзя было назвать удовлетворительным. Боевой дух немцев упал до опасно низкого уровня; появились очевидные признаки деморализации, которые с убийственной очевидностью в полном объеме проявились летом 1918 и 1919 гг. Восстание моряков в Киле вызвало очень большую тревогу у правящих кругов и оказало серьезное воздействие на настроения, моральное состояние и боевой дух страны и ее народа. Впервые реально ощутились сила и влияние партии независимых социалистов, что не могло не настораживать. Начались перебои с поставками продовольствия, которые упали до очень низкого уровня; многие люди голодали. Поставки фуража и кормов были также на низком уровне: урожай овса был просто плохим, а запасы сена, которые удалось заготовить, были весьма скудны. Запасы нефти находились на тревожно низком уровне; необходимо было срочно увеличить нефтяные поставки из Румынии. Многие районы страны ожидала перспектива остаться на зиму без электричества.

В то же время национальный дух немцев находился на более высоком уровне по сравнению с их союзниками, и будет справедливым сказать, что весь Четверной союз держался

только надеждой на победу германского оружия. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин писал в письме другу 4 ноября: «Мир срочно необходим для нашего спасения, но мы не можем его достичь, пока немцы не войдут в Париж, а это возможно лишь в том случае, если мы освободимся от Восточного фронта и он будет ликвидирован». Австро-венгерская армия была сильно потрепана в боях. Только в плен были взяты 1 млн 800 тыс. австрийских солдат. Ощущалась крайняя нехватка в резервах живой силы, а общая боевая ценность австрийских войск была крайне низкой. Но если бы удалось вывести из войны Россию, тогда австрийская армия могла бы более или менее справиться со своими задачами.

Боевой дух в Австро-Венгрии уже практически сошел на нет, да и подъем его был весьма непродолжительным. Убийство наследника престола в Сараеве вызвало настоящий шок, пламя гнева и негодования, однако три года войны, которые для австрийских войск были в целом неудачными, существенно сбили это пламя, и теперь оно едва мерцало. В конце 1917 г. Вена погрузилась в настоящую меланхолию и состояние обреченности, и выйти из этого состояния ей уже больше не удалось. Везде царил удивительная апатия и безразличие к происходящему. В других европейских столицах рьяно стремились вернуть утерянные территории и требовали более активно вести войну; в ряде национальных территорий, составлявших Австро-Венгрию, звучали требования о независимости, но посреди всего этого шума Вена оставалась тихой и голодной; ей нужны были только мир и хлеб; это был *город, потерявший душу*, деморализованный и безразличный ко всему, который ждал своего конца.

В довершение ко всему опубликование Троцким секретных договоров, заключенных правительствами Антанты, нанесло правительству Австро-Венгрии смертельный удар. Чернин теперь знал, что в планы Антанты входило, ни много ни мало, расчленение двойной империи. Теперь его целью был лишь мир любой ценой, и, настаивая на переговорах с Россией, он в то же время поддерживал проведение секретных переговоров о сепаратном мире, которые бурбонский принц Сикст и граф Мансдорф-Пойли вели с представителями Антанты. Потеряв Австро-Венгрия свою военную силу, ее политическое влияние и роль были бы обречены. Вся австро-венгерская империя держалась лишь силой штыка армии.

В Болгарии ситуация была несколько лучше. Однако она уже заняла все территории, которые хотела бы закрепить мирным договором, а как армия, так и весь народ устали от войны. Германия могла полагаться на верность Болгарии Четверному союзу лишь до тех пор, пока военные дела у немцев шли хорошо. «Я мог рассчитывать на твердость и стойкость болгарской армии не дольше, чем на преданность и верность всей Болгарии и ее народа» — такое откровенное, хотя и несколько неопределенное признание сделал Людендорф.

Турция была верна своим союзникам, но ее силы были на исходе. Ее армия понесла большие потери в живой силе, и многие воинские части существовали только на бумаге.

Все, таким образом, держалось на Германии; она была основой всего Четверного союза. В самой же Германии буквально со всех сторон слышалось мнение о необходимости как можно быстрее закончить войну. Сделать это предлагалось одним из двух способов: либо использовать военную силу Германии для заключения выгодного мира, то есть путем примирения со своими противниками на Западе, либо же путем наступления с их последующим разгромом. За мирный договор активно выступали министр иностранных дел барон фон Кульман и принц Баденский Макс, эту линию также втайне поддерживали кронпринцы Баварский и Германский. Однако Верховное военное командование придерживалось совершенно противоположной точки зрения.

Еще до того, как большевики предложили перемирие, Людендорф пришел к убеждению, что единственная надежда Германии на победу заключалась в осуществлении стремительного и страшного по силе и неожиданности наступательного удара на западном направлении, на который нужно было поставить все по принципу «пан или пропал». На штабном

совещании в Монсе, состоявшемся 30 октября, когда в коридорах Смольного еще звучало эхо ленинского Декрета о мире, первый генерал-квартирмейстер принял роковое решение. «Это будет очень трудная борьба, – писал он Вильгельму II, – которая начнется в одном месте, продолжится в другом и займет много времени; да, она будет трудной, но в конце концов принесет успех». Император, вопреки своим убеждениям, согласился.

Для того чтобы осуществить задуманное, были необходимы три вещи: быстрота, необходимое количество войск и ощутимый успех на ранних стадиях операции. Неограниченное использование подводных лодок, чего так страстно добивались и на что так отчаянно рассчитывали Гинденбург и Людендорф, уже дало пик своего эффекта и начинало сходиться на нет. Немцы буквально задыхались от экономической блокады, введенной странами Антанты; американские войска, укомплектованные свежими и энергичными молодыми солдатами, высадились во Франции вопреки хвастливым заверениям начальника штаба германских военно-морских сил, сделанным в феврале 1917 г, что ни один американский солдат не ступит на землю Европейского континента. Рассчитывать на быстрое нанесение удара на западе не приходилось. Для его подготовки требовалось время – именно оно было залогом успеха всей операции.

Срочно требовались подкрепления, поэтому прекращение боевых действий на Восточном фронте было самым настоящим подарком судьбы. В течение ноября эшелоны с войсками тянулись бесконечной чередой с востока на запад. Это была не замена уставших и измотанных дивизий свежими; речь шла о наращивании численности боевых частей. Крах румынского фронта, подтвержденный перемирием в Фоскари, заключенным 25 ноября 1917 г, позволил перебросить дополнительные силы, которые были сняты с итальянского и салоникинского фронтов.

Германской армии победа была необходима. Вся судьба Четверного союза зависела от успеха этой операции. Поражение означало бы начало быстрого распада и неминуемого разгрома. Только победа могла остановить ход часов, который был уже слышен, отсчитывавших приближение смертного часа Четверного союза.

Октябрьская революция в России вдохнула свежую струю жизни и надежды в союз Центральных держав, и можно себе представить, какие чувства и эмоции вызвало в Крейцнахе телефонное сообщение Гофмана, сделанное 13 ноября. Если переговоры на востоке увенчаются успехом, все будет готово для удара на западе к середине марта 1918 г. С чувством благодарности и удовлетворения Верховное командование уполномочило Гофмана предпринять шаги к заключению перемирия.

3

Ранним утром 14 ноября, когда еще было совсем темно, три закутанных человека с завязанными глазами были проведены через линии немецких окопов под Двинском и доставлены в штаб дивизии, который возглавлял генерал-лейтенант фон Гофмейстер. Это были парламентарии, уполномоченные провести предварительное обсуждение вопросов, связанных с переговорами о перемирии. Весь день они ждали ответа из Брест-Литовска, и наконец в полночь ответ пришел. Германское командование выразило согласие на проведение официальных переговоров о перемирии. Они должны были открыться 19 ноября.

Имперские правительства в Берлине и Вене официально заявили 16 ноября, что советские предложения представляют собой подходящую основу для переговоров о перемирии, которые, как хотелось бы надеяться, помогут вскоре выявить более конкретные контуры всеобщего мира. И германский канцлер, и премьер-министр Австро-Венгрии сформулировали свое согласие на переговоры в очень взвешенных и тщательно выверенных выражениях; с одной стороны, давалось согласие на участие в переговорах, с другой – все было сделано, чтобы не выдать нетерпение и стремление во что бы то ни стало поскорее заключить мир.

17 ноября в Петрограде Троцкий уведомил дипломатические представительства союзных стран о том, что соглашение о предварительном перемирии почти достигнуто, и попросил проинформировать, согласны ли они принять участие в предстоящих переговорах. И вновь ответом было полное молчание.

Между тем в Брест-Литовск съезжались две наспех собранные делегации. «Сборную» Центральных держав возглавлял Гофман; в делегацию также входили барон фон Розенберг, представлявший германский МИД, а также военные советники – майор Бринкман из германского Генерального штаба и молодой лейтенант кавалерии Бернхард фон Бюлов, племянник бывшего канцлера; впоследствии он длительное время занимал пост секретаря государственной канцелярии. Австро-Венгрию представлял полковник Покорный, Турцию – генерал Зеки-паша и, наконец, Болгарию – генерал Ганчев.

У большевиков было больше трудностей при составлении делегации. Она, с одной стороны, должна была представлять победившую революцию и те силы, которые ее осуществили, а с другой – быть достаточно профессиональной для успешной работы. Совместить эти два фактора было нелегким делом в первые дни Советской власти. Поэтому делегация, которая в конце концов была сформирована и отбыла на переговоры в специальном поезде, отошедшем от Варшавского вокзала в Петрограде, была по составу довольно необычной – весьма контрастной и «разношерстной». Возглавлял делегацию Адольф Иоффе⁶⁶.

Это был типичный революционер-интеллигент, интеллектуал и мыслитель. Длинные волосы и борода обрамляли лицо, обладавшее характерными семитскими чертами, на столь же характерном семитском носу держалось пенсне. К такому же типу революционного интеллигента относился и Каменев, двоюродный брат Троцкого, правда, в его лице не было столь ярко выраженных еврейских черт, его усталые, полные задумчивости глаза были почти всегда полуприкрыты; казалось, что он либо весь погружен в раздумья, либо дремлет. Прямой противоположностью ему был секретарь советской делегации Лев Карахан⁶⁷.

⁶⁶ Иоффе А.А. (1883–1927) – видный советский дипломатический деятель. В социал-демократическом движении принимал участие с конца 90-х г. В октябрьские дни 1917 г. – член Военно-революционного комитета Петрограда. В 1918 г. – «левый коммунист». Во время брестских переговоров был председателем, затем членом советской мирной делегации, в последний период – консультантом. В последующие годы – на дипломатической работе.

⁶⁷ Карахан Л.М. (1889–1937) – советский дипломат. В революционном движении с 1904 г. После июльских событий 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1917–1918 гг. – секретарь и член советской мирной делегации в Бресте. В последующие годы на ответственной дипломатической работе.

Типичный армянин, почти что в точности напоминающий карикатурного пройдоху, который набирает в долг, а потом бежит от кредиторов, он мог с кошачьей быстротой перейти от кажущейся неспешной и ленивой сонливости к самой яростной и бурной агитации и неумной переговорной активности. Эти два человека, а также Сокольников, обладавший очень большими способностями, представляли партию большевиков и являли собой революционный костяк делегации. Помимо них в ней были представители другой революционной партии, и среди них Анастасия Биценко: ее включили в качестве дани уважения к политическим союзникам большевиков, которые стали, правда, таковыми невольно и особого энтузиазма в этой связи не испытывали, а также в качестве подтверждения провозглашенного равенства прав мужчин и женщин. Биценко была известным боевиком партии эсеров, которая лишь недавно освободилась из заключения в Сибири, где отбывала 17-летний срок за убийство бывшего военного министра генерала Сахарова⁶⁸.

Поскольку революция, как было официально провозглашено, произошла в интересах солдат, матросов, рабочих и крестьян, то было необходимо, чтобы их представители также были среди членов делегации.

По иронии судьбы именно эти представители, которым отводилась в общем-то вспомогательная роль, были более колоритными и запоминающимися, чем их коллеги-революционеры, составлявшие костяк делегации. В их задачу входило быть своего рода «витриной» революционной демократии; для них участие в такого рода мероприятии было совершенно из ряда вон выходящим делом, и им так и не удалось полностью освоиться в совершенно непривычной для них обстановке. Среди них был солдат Николай Беляков, средних лет, невысокого роста, крепко сбитый, угрюмый, насупленный и молчаливый, напоминавший чем-то барсука; типичный старый солдат, как говорят англичане, «старина Билл», которого можно встретить в любой армии. Другим представителем был матрос Федор Олич, высокий и симпатичный, которому очень шла его аккуратная морская форма; однако он явно чувствовал себя неловко в непривычной для него обстановке. А вот молодого рабочего Обухова эта обстановка нисколько не смущала. Он относился к происходящему с легкостью, как будто ему просто предложили покататься на машине и он теперь наслаждался этой «автопрогулкой». На его смуглом лице отражалась некоторая дерзость, но в то же время легкий юмор и природная веселость; он сидел развалившись на сиденье вагона, из-под растегнутой жилетки виднелась черная рубашка; при этом казалось, что он демонстрировал безразличие к происходившему.

Наконец, крестьян представлял Роман Сташков – пожилой, добродушный и простой человек с волосами и бородой серо-желтоватого оттенка, грубоватым обветренным и обожженным солнцем лицом, которое было покрыто множеством глубоких морщин. Он был совершенно сбит с толку происходящим вокруг него и, несмотря на новые времена, называл своих коллег-революционеров, бывших, как и он, членами делегации, на старый манер – «барин». В состав делегации он попал буквально в самый последний момент. Когда все уже ехали на вокзал, вдруг, буквально в машине, вспомнили, что в составе делегации нет представителя крестьян; за окном мелькали безлюдные ночные улицы Петрограда, и все были в замешательстве по поводу того, как исправить столь досадное упущение.

Машина завернула за угол, и вдруг они увидели человека в крестьянской одежде, одиноко бредущего по улице с мешком за плечами. Машина остановилась.

«Вы куда идете, товарищ?»

«На вокзал, барин, извиняйте, товарищ», – ответил пожилой прохожий.

⁶⁸ Речь идет о генерал-адъютанте В.В. Сахарове, который был военным министром с 1904 по июнь 1905 г. Убит 22 ноября 1905 г. при подавлении крестьянских волнений в Саратовской губернии, являясь одним из руководителей карательной экспедиции. Убийство было осуществлено упомянутой автором А. Биценко, членом боевой организации партии эсеров, в кабинете саратовского губернатора, в котором ранее работал П.А. Столыпин.

«Садитесь, мы вас подвезем». И машина сорвалась с места.

На лице пожилого человека выражалась скромная радость тем неожиданным вниманием, которое ему оказали. Однако, когда машина стала подъезжать к Варшавскому вокзалу, на его лице отразилось беспокойство.

«Мне не на этот вокзал надо, товарищи; мне на Николаевский, я ведь за Москву еду».

«Ну уж нет», – подумали про себя Иоффе и Каменев и стали расспрашивать старого крестьянина о его политических взглядах.

«Вы к какой партии принадлежите?»

«Эсер я, товарищи, – последовал ответ, несколько обескураживший спрашивающих, – у нас в деревне все эсеры». «А вы правый или левый?»

То ли тон спрашивающего, то ли что-то еще подсказало старому крестьянину, что в этой компании лучше не произносить слово «правый».

«Левый, товарищи, конечно. Самый что ни на есть левый».

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы в делегации появился «полномочный представитель российского крестьянства», который был так необходим, к тому же до отхода поезда оставалось совсем немного времени.

«Вам не нужно возвращаться в деревню», – сказали старому крестьянину. – Поедьте с нами в Брест-Литовск заключать мир с немцами».

Немного уговоров, немного предложенных денег – и вакантное место в делегации оказалось заполненным. Сташков отправился вместе с делегацией в Брест-Литовск, где ему предстояло представлять «силу и голос народа».

Помимо «полномочных народных представителей» в состав делегации входили девять морских и армейских офицеров во главе с адмиралом Василием Альтфатером; среди них был и подполковник Фокке, который позднее написал воспоминания, являющиеся ценным источником информации. Эти люди имели несчастье оказаться в крайне двусмысленном и унижительном положении. Не по своей воле оставившие свои посты, будучи фактически оторванными от выполнения своих обязанностей, они были принуждены давать советы и консультации военно-технического характера правительству, которое, по их мнению, готово было пожертвовать территорией России ради заключения мира любой ценой. Они ехали как овцы на заклание; в их душах была пустота и горечь от осознания того, что они фактически участвуют в предательстве своей страны. Однако позднее, когда они увидели, как Иоффе и Каменев ведут на переговорах настоящий бой с противоположной стороной, их отношение к новой власти несколько смягчилось; офицеры стали работать с энтузиазмом. Троцкий даже сказал об Альтфатере, что «в вопросах мира он более большевик, чем сами большевики». Правда, переход на сторону новой власти не спас адмирала от трагической и жестокой смерти во время «красного террора», последовавшего после покушения на Ленина в августе 1918 г.

Потрепанный войной поезд громыхал в южном направлении, унося делегацию, которую Фокке образно назвал в своих воспоминаниях за ее «пестрый» состав «зверинцем», навстречу предстоящим переговорам, и, наконец, прибыл в Двинск, где проходила передовая линия окопов русской армии. Здесь она была с бурным восторгом встречена солдатами – к радости революционеров и разочарованию и отчаянию офицеров – членов делегации. Близкая перспектива заключения мира вызвала всплеск энтузиазма и надежд у солдат, и депутаты съезда 5-й армии заверили делегацию, что она может спокойно работать, так как армия готова «уничтожить любое осиное гнездо контрреволюции», пока будут идти переговоры.

Советскую делегацию уже ждали; ее должны были разместить внутри крепостных сооружений Брест-Литовска. Сама ставка и штаб Восточного фронта размещались в нескольких крепостных бараках; два таких барака с подготовленными соответствующими помещениями были выделены для размещения прибывающей советской делегации.

Питаться все участники переговоров с обеих сторон должны были в общей столовой. В самые первые дни переговоров проблема постановки на довольствие довольно многочисленной советской делегации оказалась для германской интендантской службы довольно затруднительной, и прибывшим пришлось питаться на первых порах по сокращенному рациону, однако проблема была быстро решена с присущей немцам организованностью и четкостью, и советская делегация была вскоре обеспечена довольно обильным питанием, на том же уровне, как и другие участники переговоров⁶⁹.

Условия перемирия, которые Центральные державы собирались предложить России, были разработаны Людендорфом еще в мае 1917 г. и одобрены как канцлером, так и другими членами Генерального штаба. Эти условия ясно выражали стремление Германии поскорее остановить военные действия на одном из фронтов и не содержали ничего несправедливого или унижительного для России. Военные действия должны были быть прекращены, а войска оставаться на тех позициях, которые они занимали на момент заключения перемирия. Предполагалось, что для заключения перемирия на подобных условиях потребуется не более нескольких часов, однако все оказалось не так просто.

Советская делегация прибыла в Брест-Литовск для ведения пропаганды не в меньшей степени, чем для ведения переговоров. Поэтому в начале переговоров советская делегация выступила с предложением об их полной гласности, а когда это предложение было принято, Иоффе выступил с длинным заявлением, в котором изложил принципы большевиков по вопросу о мире и призвал все воюющие страны прекратить войну и заключить всеобщий мир на основе этих принципов. После него в течение часа выступал Каменев, который выразил сожаление, что в официальных заявлениях германского и австрийского правительств нет никаких свидетельств их желания и готовности заключить всеобщий мир на той незыблемой основе, которая была провозглашена и создана Октябрьской революцией.

После этого широкого предварительного вступления Иоффе сформулировал три следующих конкретных предложения по условиям перемирия:

1. Перемирие заключается сроком на 6 месяцев.
2. Военные и морские силы Германии выводятся с Моонзундских островов и из акватории Рижского залива.
3. Никакие германские войска не могут быть переброшены с Восточного фронта на другие фронты; они даже не могут быть отведены для отдыха на специально подготовленные для этого квартиры и казармы.

Относительно первого пункта Гофман предложил в ответ заключить перемирие сроком на 28 дней, которое было бы автоматически продлено до тех пор, пока одна из сторон не захотела бы выйти из него, уведомив об этом за неделю до выхода из соглашения. Относительно второго пункта Гофман сказал, что «подобные условия могут быть предложены лишь побежденной державе». А вот по третьему пункту он с легкостью дал согласие, поскольку большинство войск уже было переброшено с Восточного фронта на Западный еще до начала переговоров о перемирии. «Поэтому, – пишет Гофман в своих воспоминаниях, – я принял предложение русских, что во время перемирия, которое вот-вот должно было быть заключено, никакие войска не могут быть переброшены с Восточного фронта, *за исключением тех, которые уже находились в пути или приказ на переброску которых был уже отдан*».

На третий день переговоров (22 ноября) советская делегация категорически потребовала «рассматривать перемирие на всех фронтах с точки зрения заключения всеобщего мира на основе, уже выработанной Всероссийским съездом Советов». Гофман спросил, имеет ли советская делегация полномочия от своих союзников по Антанте выступить с подобными

⁶⁹ Тем, кто интересуется тематикой Брестского мира, можно порекомендовать очень емкую и насыщенную фактами книгу И.Н. Ксенофонтова «Мир, которого хотели и который ненавидели». М., 1991.

предложениями. Он готов вести переговоры о перемирии как только с одной Россией, так и с Россией вместе со всеми ее союзниками, однако, если союзники предпочли не участвовать в переговорах, означает ли это, что нельзя вести переговоры и стремиться к заключению сепаратного перемирия только с одной Россией?

Оказавшись загнанным в угол, Иоффе не выдержал. Он был вынужден признать, что не имеет полномочий от союзников на ведение переговоров о перемирии, а в частном порядке, за обедом, сказал Гофману, что не может заключить сепаратное перемирие без консультаций с Петроградом. Он должен вернуться в столицу и обсудить этот вопрос с Лениным и Троцким. Сепаратное соглашение о перемирии никоим образом не вписывалось в то видение ситуации, которое имелось в Смольном, а Иоффе хорошо знал, что такое холодная ярость Ленина, когда он разгневан. Каждый дипломат, находившийся на службе нового революционного правительства, знал, что за ошибку он может ответить головой; дамоклов меч этого страха висел и над Иоффе. Он должен возвратиться в Петроград.

Гофман согласился, чтобы стороны приняли позволяющее спасти лицо заявление, в котором говорилось, что «делегации согласились довести до сведения своих правительств предложение советской делегации пригласить все воюющие стороны принять участие в переговорах». Было решено сделать перерыв на неделю до 30 ноября. После этого руководители советской делегации отбыли в Петроград, оставив «на хозяйстве» Кара-хана держать дипломатическую оборону.

В течение всего хода этих предварительных переговоров, а точнее, с самого момента выхода приказа Крыленко о братании большевистские агенты, не теряя времени, вели самую активную пропагандистскую работу. Экземпляры Декрета о мире вместе со специальным обращением к немецким солдатам не только нелегально доставлялись в окопы и распространялись там, но также разбрасывались с аэропланов в немецком тылу. Одним из нововведений Троцкого на посту наркома иностранных дел было образование Отдела печати, который возглавил Карл Радек, а также создание Бюро революционной пропаганды, руководителем которого стал Борис Рейнштейн, помощниками его были Джон Рид и Альберт Рис Вильямс; вся пропагандистская мощь этих новых образований была обрушена на германскую армию.

Немецкая газета *Die Fackel* («Факел») печаталась тиражом в полмиллиона экземпляров ежедневно и отправлялась специальным поездом в центральные армейские комитеты в Минск, Киев и другие города, а оттуда уже распространялась по всему фронту⁷⁰.

«Братья солдаты Германии! – такими словами начиналось обращение в первом номере газеты. – Выдающийся пример вашего лидера Либкнехта, та борьба, которую вы ведете на встречах, митингах и через печать, наконец, революционное восстание на вашем флоте являются для нас гарантией того, что трудящиеся массы начали настоящую и решительную борьбу за мир».

Специальная делегация во главе с Зиновьевым, снабженная аналогичного рода «горючим» пропагандистским материалом, была направлена на границу для того, чтобы содействовать революционному взрыву в Центральной Европе. Как и можно было ожидать, немцы не пропустили ее через свои позиции, машина, груженная номерами «Факела», а также воззваниями Ленина, была остановлена, а весь пропагандистский материал сожжен. «Я вынужден был отклонить требования большевиков о свободном допуске пропагандистских материалов в Германию, – пишет Гофман, – при этом, однако, я сказал, что с удовольствием окажу содействие в поставках подобной литературы в Англию и Францию»⁷¹.

⁷⁰ Германский Генеральный штаб также выпускал пропагандистский листок «Русский вестник» и распространял его среди русских военнопленных; однако это был детский лепет по сравнению с пропагандой большевиков. *(Примеч. авт.)*

⁷¹ Использовать большевистскую пропаганду против врага пыталась отнюдь не только Германия. Рассказывая о миссии полковника Реймонда Робинса в Россию, Уильям Хард вспоминает, что однажды Робинс предложил 75 тысяч рублей большевистским представителям, которые отправлялись в Германию и Австро-Венгрию, говоря им, что эти деньги «могут

Тем временем в Петрограде Ленин все еще лелеял надежду, что пролетарские массы воюющих стран ответят на призыв к всеобщему миру. Однако независимо от того, ответят они или нет, мир был обещан трудящимся России, и это обещание должно быть выполнено, будь то всеобщий мир или сепаратный. Даже если будет подписано сепаратное перемирие, союзники могут подключиться к переговорам о всеобщем мире и после этого. С учетом такой возможности Иоффе были даны инструкции возвращаться в Брест-Литовск и продолжать переговоры.

В ноте от 23 ноября за подписью Троцкого союзники были проинформированы о ходе переговоров о перемирии. Их внимание было обращено на то, что в переговорах взят недельный перерыв, во время которого они должны были «определить свое отношение к мирным переговорам, то есть свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и, в случае отказа, открыто, перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны».

В то же время в печати был высказан намек, который мог рассматриваться как угроза. Ведущая газета «Правда» опубликовала передовую статью, в которой говорилось, что советское правительство может прибегнуть к такому приему, как отказ платить по долгам России, чтобы вынудить союзников принять участие в предстоящих переговорах.

Ответа вновь не последовало, и 30 ноября Троцкий выступил с новым заявлением, указав, что «ответственность за Реймонд Робинс (1873–1954) – американский бизнесмен и политический деятель. Впервые прибыл в Петроград как член правительственной миссии США, чтобы побудить Керенского подолжать «войну до победного конца». Неоднократно встречался с В.И. Лениным, содействовал установлению дипломатических отношений между СССР и США. До конца дней оставался другом Советского Союза. Газеты называли его: «Миллионер, который любил Ленина».

сепаратный характер перемирия, которое Россия может оказаться вынуждена заключить, целиком падает на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира». В последнем абзаце заявления делалось предупреждение, к чему может привести такая политика, хотя сам Троцкий был противником подобного варианта развития событий: «Сепаратное перемирие не есть сепаратный мир. Но оно означает опасность сепаратного мира. Преодолеть эту опасность могут только сами народы».

29 ноября советская делегация вернулась в Брест и на следующий день переговоры были продолжены. Основными спорными вопросами были перемещение войск, морские вопросы, а также братание между солдатами противостоящих армий. По первому вопросу страны Четверного союза твердо стояли на своей точке зрения, а вот по морским вопросам с их стороны была выражена готовность к компромиссу. Что касается братания, то было решено проводить его «организованно».

В конце концов соглашение о перемирии было подписано 2 декабря на срок с 2 декабря 1917 г. до 1 января 1918 г. и автоматически продлевалось до тех пор, пока какая-либо из сторон не решит выйти из него с уведомлением об этом за 7 дней. В статье 2 соглашения о перемирии предусматривалось запрещение переброски войск между Черным и Балтийским морями, «за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты». Морские вопросы должны были регулироваться специальным соглашением, которое стороны должны были заключить после взаимных консультаций (ст. 5). Что касается «организованного» братания, то было решено создать два-три пункта перемирия, или «центра сношений», на участке каждой русской дивизии, но с условием, что во время встреч

«должно единовременно присутствовать не более 25 человек без оружия с каждой стороны». Разрешался обмен мнениями и печатной продукцией.

Именно в этом вопросе страны Четверного союза допустили роковую ошибку. Гофман, с его острым и пронизательным умом и хорошим знанием русских, никогда не должен был соглашаться на включение в соглашение статьи, разрешающей пропаганду. Конечно, предотвратить просачивание и распространение большевистской идеологии было весьма трудно, но согласие на организованное братание откровенно играло на руку русским. Как заметил один историк, «25 человек было вполне достаточно для ведения русскими антивоенной пропаганды».

Контролировать действия большевистских агентов становилось практически невозможно. В официальные пункты братания демонстративно и открыто приносили целые пачки «Факела», а также сменившей его газеты «Дружба народов», которые часто конфисковывались немецкими офицерами. Много встреч проходило тайно в официально не разрешенных местах, где германским солдатам передавалось огромное количество пропагандистской литературы. В ряде мест она закапывалась в землю, а потом выкапывалась немцами. Вирус быстро распространялся.

К соглашению о перемирии прилагалось «Дополнение о немедленном обмене гражданскими пленными и военнопленными, негодными к военной службе по состоянию здоровья». Таких в России были тысячи, и они стали хорошей мишенью для пропаганды. При помощи Бюро по делам военнопленных при Наркомате иностранных дел специальные представители были направлены в лагеря военнопленных по всей территории России, включая Сибирь, где они проводили соответствующую работу и содействовали созданию среди пленников организаций социалистического толка. Только в одной Москве десять тысяч австрийских и немецких военнопленных вошли в организацию, разделявшую взгляды большевиков, и начали вести активную пропаганду среди своих соотечественников. Эта пропаганда оказалась настолько эффективной, что, когда пленные были репатриированы и возвращались в Германию и Австро-Венгрию, их помещали на 30 дней в «лагеря политического карантина», где им «промывали мозги» и осуществляли «дезинфекцию» при помощи патриотической литературы и пропагандистских материалов партий социалистического большинства.

Гофман выражал Крыленко яростные протесты по поводу нарушения соглашения и грозил разорвать соглашение о перемирии; Крыленко публично отдавал приказы прекратить революционную пропаганду, но тайно давал указания работать в этом направлении с удвоенной силой.

Германия уже начинала пожинать бурю. Однако немцы не вняли грозному предупреждению. «Влияние большевистской пропаганды на массы огромно, – говорил Гофману в порыве откровения русский адмирал Альтфатер. – Я оборонял Эзел и видел, как армия буквально таяла на моих глазах. То же самое происходило и во всей армии, и я предупреждаю вас, что это же произойдет и у вас».

«Я только посмеялся над незадачливым адмиралом», – вспоминал позднее Гофман.

Глава 4 «Мир без аннексий и контрибуций»

1

Подписание соглашения о сепаратном перемирии между странами Центрального блока и Россией перевело весь комплекс вопросов, связанных с Восточным фронтом, из военной сферы в плоскость международной политики. Страны Антанты продолжали стоять на позициях отчужденности от происходящего, практически «умыли руки» и сняли с себя всякую ответственность за последствия. «Поскольку Россия вступила в сепаратные переговоры, – заявил Ллойд Джордж, выступая 7 декабря в палате общин, – она должна взять на себя всю ответственность за то, что может в результате произойти с ее территорией»; это высказывание фактически выразило общую позицию стран Антанты.

Но для Центрального блока эти вопросы приобрели куда более важное значение. Теперь они взяли на себя обязательства вести мирные переговоры с Россией на основе принципа «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Эта формула имела по крайней мере поверхностное, внешнее сходство с тем, что было изложено в мирной резолюции, принятой рейхстагом в июле 1917 г. «Нами не движет стремление к каким-либо захватам», – говорилось в ней; резолюция требовала мира «на основе взаимного согласия и примирения»; в ней выражался протест против любого «захвата территорий», а также «любого политического, экономического и финансового притеснения». Однако в документах такого рода главным является его дух, нежели буква, а еще важнее и того и другого – как оба этих фактора интерпретируются. Каждый человек волен трактовать тот или иной принцип по-своему, и это наглядно продемонстрировал канцлер доктор Михаэлис, который, выражая поддержку резолюции, сделал зловещую оговорку в виде фразы «как я ее понимаю».

Для того чтобы в полном объеме оценить значение этой оговорки – а фактически той позиции, которой придерживалась Германия в ходе переговоров в Брест-Литовске, – необходимо понять, какие изменения произошли внутри правящих кругов Германии начиная с 16 августа 1917 г.

В этот день Гинденбург и Людендорф были назначены на высшие посты в Верховном командовании германскими вооруженными силами с подчинением непосредственно кайзеру. С этого момента началось сначала подспудное и не очень заметное, а затем все более явное и в конце концов совершенно откровенное изменение всей политической структуры Германии. Новое высшее командование потребовало контроля над всей как внутренней, так и внешней политикой страны. Главным инициатором этих требований был Людендорф. Между фельдмаршалом Гинденбургом и Людендорфом, вторым человеком в военном командовании, установились особо доверительные отношения, основанные на какой-то необъяснимой внутренней близости, которые, по словам самого Гинденбурга, напоминали отношения «счастливой супружеской пары», в результате чего внутренние «я» более старшего по возрасту Гинденбурга и более молодого Людендорфа слились в единое целое. В этом «брачном союзе умов» Людендорф выполнял роль яркого, привлекающего всеобщее внимание мужа, «заправляющего» в семейных отношениях, а Гинденбург – роль спокойной, покорной жены, являющейся «тенью» своего мужа. В сочетании с организационным гением Гофмана этот союз оказался исключительно эффективным с военной точки зрения на Восточном фронте. Он также был эффективен, правда уже без Гофмана, и на Западном фронте; а вот

в политических вопросах этот союз оказался крайне неудачным. Гинденбург политику терпеть не мог, поскольку ничего в ней не понимал; она вызывала у него откровенную скуку и раздражение. Он с удовольствием передал все политические вопросы в ведение Людендорфа, который активно использовал имя и положение своего начальника, причем делал это крайне неудачно, неуместно и неподобающе.

Верховное командование превратилось в *государство в государстве*, причем Людендорф лично и независимо ни от кого встречался и вел переговоры с императором, канцлером, руководством МИД, лидерами партий в рейхстаге, промышленными магнатами и профсоюзными деятелями – словом, всеми, кто, по его мнению, должен был выполнять указания Генштаба и проводить выработанную им линию. В конце концов сформировалась самая настоящая диктатура, которая основывалась на слове «ответственность», в том понимании, которое в него вкладывал Людендорф. К примеру, если обсуждаемое возможное решение в чем-то не устраивало Людендорфа или было, по его мнению, ущербным с точки зрения ведения войны, он заявлял, что Верховное командование не может взять на себя «ответственность» за подобное решение, и подавал прошение об отставке. Благодаря подобному способу «убеждения» первый генерал-квартирмейстер вынуждал всех уступать его точке зрения, начиная с императора и ниже. Иногда он использовал согласие Гинденбурга на те или иные свои предложения и весьма часто ссылался на него; его последний аргумент всегда был следующим: «Фельдмаршал и я подаем в отставку».

Так, в ноябре 1916 г. Верховное командование сорвало планы канцлера Бетман-Гольвега попытаться заключить сепаратный мир с Россией, а в феврале 1917 г. оно настояло на начале неограниченных операций с использованием подводных лодок, опять же вопреки мнению канцлера. В июле того же года эта «счастливая пара» настояла на смещении Бетман-Гольвега с поста канцлера и назначении на него совершенно бесцветного Георга Михаэлиса, который до этого ведал вопросами продовольственного снабжения в Пруссии и, находясь на посту канцлера, просто озвучивал то, что решали Людендорф и Гинденбург.

Поставив своего человека во главе правительства, Гинденбург и Людендорф почувствовали себя достаточно подготовленными для того, чтобы фактически провалить мирную резолюцию, выдвижение которой для голосования в рейхстаге партиями социалистического большинства им не удалось предотвратить. Зловещая фраза Михаэлиса «как я ее понимаю» как раз и была той самой заготовкой Верховного командования, предназначенной для того, чтобы свести на нет эту резолюцию, поскольку она резко шла вразрез с захватническими и завоевательными вожделениями этого самого командования.

Однако в рейхстаге не придали значения этой оговорке, сделанной канцлером, и приняли резолюцию, причем по иронии судьбы в это же время проголосовали за выделение дополнительных огромных военных кредитов. С чувством законной гордости Михаэлис писал германскому кронпринцу 12 июля 1917 г.: «Ненавистная резолюция была принята 212 голосами против 126 при 17 воздержавшихся и 2 голосах, признанных недействительными. При помощи сделанной мной оговорки была устранена главная опасность, содержащаяся в этой резолюции. Теперь можно заключить мир практически на любых условиях, и это не будет противоречить резолюции».

Действительно, на любых. «Ваше высочество, – воскликнул с отъявленным цинизмом Эрцбергер, обсуждая резолюцию с принцем Баденским, – таким путем я могу захватить линию Лонгви – Брие посредством переговоров». А позже даже делались утверждения, что Брест-Литовский мирный договор вполне соответствует мирной резолюции, «как ее понимает Верховное командование».

Такова была внутривластная обстановка в Германии к началу мирных переговоров с Россией. В сентябре 1917 г. Верховное командование саботировало мирное предложение со стороны папы римского, которое выглядело довольно интересным и обещаю-

щим; а в конце октября проведший сто дней на посту канцлера Михаэлис был отправлен в отставку (его поэтому и стали называть «стодневым канцлером»), ему на смену пришел премьер-министр Баварии граф фон Гертлинг, бывший к тому времени уже совсем пожилым человеком. Будь он помоложе, он сумел бы, наверное, более успешно противостоять все возрастающему давлению военных в гражданскую сферу. Однако, несмотря на свой богатый и зрелый опыт, а также сильный характер, он, будучи в целом не согласен с Людендорфом, был слишком стар и имел слишком мало сил и энергии, чтобы успешно бороться с Верховным командованием.

А вот министр иностранных дел Рихард фон Кюльман попытался «дать бой». Как и канцлер Гертлинг, Кюльман был родом из Баварии, католиком; 44 лет; и наиболее тонким и проницательным из всех германских дипломатов, к тому же самым просвещенным из всех государственных деятелей Германии того времени, не считая Бетман-Гольвега. Этот человек отличался высокой культурой и широтой взглядов, он был настоящим представителем светского общества и, можно даже сказать, в какой-то степени «гражданином мира». Кюльману пришлось много путешествовать и работать во многих странах. Он родился в Константинополе, работал в качестве атташе и советника почти в десятке столиц, а тем незабываемым утром в марте 1905 г. он, позеленевший от морской болезни, в полной форме баварского улана, взобрался наверх по веревочному трапу, чтобы приветствовать своего кайзера на открытом рейде в Танжере. Во время войны он выдвинулся на ответственные посты. Он успешно работал послом в Гааге и Константинополе; затем Михаэлис предложил ему возглавить министерство иностранных дел; это предложение было подтверждено и Гертлингом, который был рад увидеть на этом посту соотечественника, а тем более единовеца, поскольку в госаппарате почти все были прусскими лютеранами.

В отличие от многих немцев Кюльман обладал изысканным вкусом к жизни. Он умел ценить и наслаждаться прекрасным вином, произведениями искусства, а также женской красотой. При этом он обладал какой-то отчужденностью от жизненной суеты, каким-то внутренним пренебрежением к ней и ощущением себя выше ее, что позволяло ему быть одновременно участником событий и сторонним критиком. Даже когда речь шла об очень важных делах, он всегда оставался в известной мере наблюдателем, причем наблюдателем ироничным, с насмешливостью, причем порой весьма едкой, смотрящим на все происходящее вокруг, на других, а также и на себя самого. Он ни на что не смотрел поверхностно, но также не позволял себе слишком сильно увлечься каким бы то ни было вопросом. Никогда он не был готов рисковать своей репутацией, какой бы вопрос ему ни приходилось рассматривать; в этом он отличался от Бисмарка. Для него подобная жертва была неоправданной. Он играл ради самой игры.

При этом Кюльман был культурным и дальновидным человеком. Будучи лучше знаком с ходом ежедневных событий, он имел лучшее представление о происходящем, лучше и глубже понимал его, чем Верховное командование, которое было окружено людьми, по любому поводу говорившими «есть!» и способными лишь «брать под козырек» и все мысли которых были заняты лишь успешным продвижением по службе. Кюльман был далек от того, чтобы иметь иллюзии насчет успешного захвата Германией чужих территорий, которые были у Людендорфа, и он считал, что мир на условиях победителя Германии заключить не удастся. Лучшее, на что можно было рассчитывать, – это мир на основе взаимной истощенности сил и ресурсов, «мир от усталости», при отказе от присоединения на постоянной основе новых территорий. Именно эту точку зрения Кюльман активно отстаивал и работал на ее основе с тех пор, как в августе 1917 г. он стал министром иностранных дел. Его попытки в самом начале своей деятельности воспользоваться мирным предложением, выдвинутым папой римским, были сведены на нет двурушничеством Михаэлиса, но Кюль-

ман не собирался отказываться от своей линии. И вот, когда появилась возможность переговоров с Россией, Кюльман получил шанс на вторую попытку.

2

Трудно представить себе две другие группы, имеющие столь глубокие расхождения во взглядах, чем те, которые схлестнулись внутри Германии в борьбе за влияние на германскую внешнюю политику перед началом переговоров в Брест-Литовске. Именно эта борьба, вызванная серьезными расхождениями во мнениях, лишала предстоящие переговоры надежды на быстрый успех, а быстрота была как раз тем важнейшим фактором, который определял успех всего дела. В течение всей мирной конференции в Брест-Литовске вопросы высокой политики были предметом ожесточенных споров и расхождений между федеральным правительством и Верховным командованием, и с первого до последнего дня конференции работа германской делегации затруднялась постоянными интригами Людендорфа в Берлине.

Главным пунктом разногласий был вопрос об отражении в мирном договоре будущего статуса тех территорий, которые были уже заняты австро-германскими войсками, а именно Курляндии⁷² и Литвы, Русской Польши⁷³ и значительной территории, населенной белорусами и украинцами. Именно польский вопрос был наиболее сложным, и он не раз вызывал острые споры и разногласия между двумя ведущими партнерами по Четверному союзу – Германией и Австро-Венгрией.

Обе воюющих стороны использовали лозунг восстановления единой Польши в качестве орудия политической пропаганды. Николай II объявил об объединении Польши в единую автономию в рамках Российской империи. Вслед за этим летом 1916 г. в результате переговоров между Берлином и Венной было объявлено о создании независимого Королевства (Царства) Польского, в котором бы существовала конституционная монархия с правом престолонаследия. Однако объявление о достижении соглашения было «положено под сукно» из уважения к точке зрения по этому вопросу Фалькенгайна – предшественника Гинденбурга на посту начальника германского Генштаба, опасавшегося последствий предоставления права на создание независимого государства народу, который не скрывает своих антигерманских настроений, к тому же занимает территорию, расположенную в тылу Восточного фронта.

Когда же Гинденбург и Людендорф стали фактически контролировать как внутреннюю, так и внешнюю политику, то был пересмотрен подход и к этому в высшей степени чувствительному вопросу. Людендорфу уже виделось, как германская армия пополнится новыми дивизиями, состоящими из благодарных поляков, и, ослепленный этим миражом, он настоял на том, чтобы в ноябре 1916 г. было объявлено о достижении соглашения между Германией и Австро-Венгрией о создании независимого польского государства, что окончательно похоронило все попытки заключить с Россией сепаратный мир, к чему было приложено столько усилий с обеих сторон.

Однако политика Верховного командования не дала абсолютно никаких результатов. Поляки восприняли предоставление независимости как должное, и они не собирались предоставлять солдат для армий Четверного союза до тех пор, пока не будет создано польское государство, которое и будет контролировать польскую армию. Мечта Людендорфа о том, что польские солдаты будут служить под началом германских офицеров, растаяла как дым. Поляки отказались играть по его правилам.

⁷² Курляндия – территория бывшего Ливонского ордена, после его распада в конце XVIII в. присоединенная к России; занимала часть Латвии и Литвы.

⁷³ Русская Польша – та часть Польши, которая входила в состав Российской империи.

Заявление двух империй, сделанное в ноябре 1916 г., сформировало лишь теоретическую основу для создания действительно независимого польского государства; оно представляло собой лишь декларацию, причем в ней не было сделано никакой попытки более или менее определенно зафиксировать политический статус Польши, а фактический контроль за территориями, занятыми австро-германскими войсками, по-прежнему оставался в руках генерал-губернаторов – варшавского и люблинского. Год спустя ничего не изменилось, хотя предлагалось три возможных практических решения данной проблемы.

Первый возможный вариант – так называемый «австрийский». Он заключался в том, чтобы Польский Конгресс был объединен с Галицией и это новое образование вошло в качестве третьей стороны в империю Габсбургов на равных основаниях с Австрией и Венгрией, то есть империя превращалась бы из двойственной в тройственную. Этот вариант поддерживался Австрией, время от времени в его пользу высказывалось и германское правительство; однако против был венгерский премьер-министр граф Тиза, который считал, что нельзя менять политическую структуру Австро-Венгерской империи, и если и включать туда новое образование, то лишь в качестве австрийской провинции. Против этого варианта был и германский Генеральный штаб, по мнению которого в случае его реализации пришлось бы столкнуться с политическими и стратегическими издержками, ослаблявшими союз между Австрией и Германией, что было недопустимо с точки зрения долгосрочных интересов.

Два возможных варианта решения были предложены Германией. Первый из них родился в изобретательном мозгу Эрцбергера и был прямой противоположностью «австрийскому варианту». Согласно ему, части Польши, входившие в состав России и Австро-Венгрии, включались в состав Германской империи, а в состав Австрии в качестве компенсации включалась Румыния. Этот вариант был с ходу отвергнут Веней, которая справедливо считала, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

А вот второй «немецкий вариант» был особенно дорог сердцу германского Генштаба. Согласно ему, расширялось «узкое горлышко» между Данцигом⁷⁴ и Торном, создавая таким образом «защитный пояс» для Восточной Пруссии на случай наступления типа осуществленного русскими войсками под командованием великого князя Николая Николаевича в 1914 г.; а другой аналогичный «пояс» должен был проходить к востоку от Вистулы и защищать угольный бассейн Верхней Силезии. Что произойдет с оставшейся частью территории Польского Конгресса, германский Генштаб интересовало мало; она могла объявить независимость при условии установления тесных и благоприятных для Германии отношений с ней или же быть включена в состав Австрии.

Против этого предложения выступили как германское, так и австрийское правительства. Первое считало, что этого нельзя делать, поскольку в этом случае «Польша будет изуродована до неузнаваемости подобным изменением границ, и, даже несмотря на объединение с Галицией, это станет крайне отрицательным фактором, который исключит возможность установить в перспективе нормальные и гармоничные отношения с ней»; второе опасалось того, что в Германии в этом случае появится большое количество поляков. На последнее возражение Генштаб ответил, что «последующее увеличение численности польского населения в защитном поясе является нежелательным, однако придется смириться с этим серьезным отрицательным фактором ввиду военной необходимости».

Что же касается Курляндии и Литвы, то Генштаб был противником освобождения из-под контроля Германии любой территории, занятой силой оружия. Он хотел создать на этих территориях два великих княжества, которые бы непосредственно подчинялись династии Гогенцоллернов в лице германского императора. При содействии ставки главнокомандующего Восточным фронтом и ее аппарата, а также прибалтийских баронов Курляндии Ген-

⁷⁴ Данциг – немецкое название Гданьска.

штабу удалось добиться проведения выборов в конституционные собрания в обеих провинциях, а сейм Митавы обратился к кайзеру с просьбой принять на себя титул герцога Курляндского.

Литовцы оказались менее сговорчивыми, и в отношении их пришлось применить более жесткие методы воздействия. Сейм Вильно был кратко, грубо и жестко проинформирован принцем Изенбургом и генералом фон Фрейтаг-Лоринговенем, что если он не проголосует за независимость Литвы при одновременном объявлении Германской империи гарантом этой независимости, то Верховное командование настаит на проведении новой стратегической границы Германии по линии Ковно – Гродно– Двинск, которая рассечет Литву пополам, причем ее восточная часть будет предоставлена самой себе и брошена Германией на произвол судьбы.

Так выглядел принцип самоопределения при оговорке Михаэлиса «как я его понимаю».

3

5 декабря 1917 г. В Крейцнахе проходит заседание Совета Короны, на котором председательствует Верховный главнокомандующий, кайзер Вильгельм II. Император нервозен и бледен; глубоко погрузившись в кресло, он молча наблюдает за спорами и перепалкой между своими министрами и генералами. Гинденбург, с квадратным черепом, покрытым седыми волосами, напоминавший сфинкса, в течение всего совещания оставался спокойным и безучастным. Рядом с ним сидел канцлер граф фон Гертлинг, пожилой человек с седыми бакенбардами; он пытался сделать все, что мог, чтобы отстоять свою точку зрения и одновременно не перейти дорогу высшему командованию. Позже, по ходу совещания, Гинденбург и Гертлинг время от времени будут погружаться в воспоминания и размышления о былом, предоставляя возможность вести дискуссию своим подчиненным. А тем именно это и нужно было. Людендорф, с тонкой складкой маленького рта, выглядящего совершенно непропорционально на фоне массивной, выступающей вперед челюсти, со сверкающим на воротах серого полевого кителя крестом «За доблесть», высокомерно и презрительно относящийся ко всем гражданским, с недовольством смотрел на сидящего напротив него по другую сторону стола Кюльмана, немного циничного, немного самоустраненного от происходящего, умело сочетавшего обе стороны своей личности и умевшего быть одновременно и участником событий, и сторонним наблюдателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.